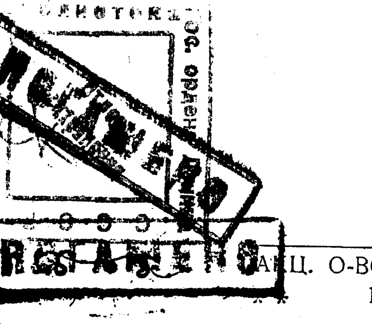
ОВ. КАЧАЗНУНИ

ДАШНАКЦУТЮН БОЛЬЩЕ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ!

С предисловием С. ХАНОЯНА

АКЦ. О-ВО «ЗАККНИГА»
1927

ТИФЛИС

Главлит 1567. Типография „Красный Воин". Заказ 329.
Тираж 2000.

ДВА СЛОВА.

Издавая настоящую книжку, мы имеем целью—ознакомить широкие массы с теми политическо-партийными переломами и переживаниями, которые вообще существуют в заграничных армянских кругах, и в особенности в рядах дашнаков.

Какую политическую линию проводили заграничные революционные круги после Лозаннской конференции, об этом говорили и писали много, но действительные источники, их взгляды и обоснования нам не были известны.

Первым, кто попытался изложить ложное течение и историю армянской национальной политики, в частности подвергнуть критике политику, которую вела партия Дашнакцутюн в течение ряда лет, был Григор Чалхушян.

Однако, Чалхушян для дашнакской действительности, являясь наблюдателем со стороны и, как он сам говорит, „гостем“, особого значения иметь не мог. Помимо этого, Чалхушян весьма поверхностно, со взглядом туриста подходит к действительности Армении и поэтому не может удостоиться того внимания, на какое может рассчитывать человек, более компетентный, который сам все видел и изучал, и ко всему относился критически.

Этим больше чем авторитетным, больше чем знакомым с армянской действительностью и непосредственно принимавшим в ней участие является Качазнуни, который был наивиднейшим основоположником Дашнакцутюн, первым премьер-министром дашнакской Армении, одной из ярких фигур, одним из вождей партии Дашнакцутюн.

Что из себя представляет это произведение Качазнуни—„доклад, который он представил совещательной кон-

ференции заграничных органов А. Р. П. Дашнакцутюн в апреле 1923 года“.

Весьма скромен Качазнуни, называя свое произведение „докладом“. Произведение гораздо больше, чем доклад или дневник. Если хотите, произведение Качазнуни является книгой политической исповеди, а если охарактеризовать его еще сильнее—обвинительным актом, который пред‘является партии Дашнакцутюн.

Эта книга, насчитывающая более ста страниц, на каждой из них содержит порицание всех тех исторических подвигов, которые допускала партия Дашнакцутюн в особенности после империалистической войны.

Качазнуни, издавая этот свой доклад, имел целью сделать всеобщим достоянием все те вопросы, которые для него „были предметом долгих и весьма тяжелых дум“.

Являются ли новостью вопросы, выдвигаемые автором? Разве в свое время любой шаг партии Дашнакцутюн, который являлся роковым для трудящихся армян, в особенности для турецких армян, не подвергался жесточайшей критике с нашей стороны.

Возьмите любой из выставленных им вопросов, в нашей действительности обсужденных и разрешенных, и вы более многостороннюю и более обоснованную их критику найдете в изданных нами коммунистических газетах, которые дашнаки любили называть „армянскими по шрифту“.

Издавая эту книгу, мы отнюдь не ставим себе целью ознакомить массы с критикой партии Дашнакцутюн, данной самым скромным из них. Мы хотим еще раз и еще раз убедить армянских трудящихся в том, насколько мы были правы, насколько мы являлись истинным выразителем интересов армянских трудящихся в тот период, когда дашнакская пресса нас преследовала, порицала и клеймила „изменниками“.

Как будто необходим был ряд кровавых лет, уничтожение значительной части народа, политические конференции и наконец Лозанна, чтобы отдельные личности из

партии Дашнакцутюн могли выступить и смело заявить, что „партии Дашнакцутюн больше нечего делать". Чтобы сохранить общественное и критическое значение книги, мы не делаем никаких изменений, а также редакционных поправок, чтобы книга Качазнуни предстала в своем „естественно-девственном" виде, чтобы внимательный читатель углубился в те мысли, которые для Качазнуни „гораздо труднее было писать и подписывать", чем для его товарищей слышать...

Доклад этот составлен не под влиянием легкомысленной минуты.

„Слово это не является результатом легкомыслия или малодушия проходящих настроений, или поспешных заключений: оно является результатом глубоких убеждений и глубокого сознания, конечно, поскольку я способен осознать и освоить положение, рассчитывать, оценить и делать выбор"—говорит Качазнуни. Несомненно, Качазнуни искренен и прям, пишет от чистого сердца, переживает написанное, если хотите, каждое слово свое, каждую фразу он плетет из своих нервов. Его убийственные резюме, его характеристика партии Дашнакцутюн настолько сильна, что критику, разбирающему его книгу, не представляется необходимым чем-нибудь ее дополнить, конечно, за исключением тех мест, где Качазнуни, как дашнак, ортодоксальный националист, высказывается о деятельности и тактике большевиков.

Если хотите, ко всем своим достоинствам, Качазнуни, благодаря своей блестящей и славной бессознательности (наивности), прибавляет одно обстоятельство, на которое мы много раз указывали; оно заключается в той безнадежной и упрямой неспособности, которую выставляют наружу наши противники, в особенности ортодоксальные дашнаки, когда пытаются усвоить нашу идеологию.

Однако, несмотря на этот „маленький" недостаток, мы еще раз предлагаем интересующимся политической и общественной жизнью нашим массам ознакомиться с этой

книгой, представляющей из себя исторический интерес, и затем сравнить это с тем, что мы писали в течение целого ряда лет.

Мы уверены, что каждый честный гражданин, каждый честный и сознательный трудящийся, подтвердит приведенные автором наблюдения, которые обнимают „политические вопросы армян, начиная с 1914 г.“, каждый увидит, как развивался этот „политический вопрос“ и „как складывались и сменяли друг друга“ его отдельные стадии; каждый себе представит, что „сделала наша партия (Дашнакцутюн) и что ей остается после всего этого“.

Мы убеждены, что ознакомившись со всеми историческими фактами, приведенными Качазнуни, и данными им раз‘яснениями, каждый согласится с Качазнуни, который говорит, что действительно „Армянской революционой партии Дашнакцутюн больше нечего делать“. Положение это, хотя и запоздалое, вполне уместно и основательно подтверждается Качазнуни, дашнакским политиком.

Жестока и тяжела жизнь с ее историческими железными законами и тот, кто подставляет ей лоб, обречен на гибель. От этого обстоятельства сегодня освобождается Качазнуни, который, разобрав явления жизни, освежит свое мировоззрение новыми и жизненными мыслями.

И действительно, долгие и тяжелые думы каждого мыслящего деятеля должны привести к тому заключению, к какому пришел Качазнуни, хотя и после Лозаннской конференции.

Лучше поздно, чем никогда, тем более, когда этим пробуждением призывают последовать своему примеру поредевшую группу еще блуждающих в авантюристической атмосфере дашнаков.

Устами Качазнуни говорит совесть определенной части дашнаков, которая заблудилась в националистических дебрях. Пусть эта прямая и искренняя совесть станет примером для остальных.

С. Ханоян.

А. Р. П. ДАШНАКЦУТЮН
БОЛЬШЕ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ!

ЧИТАТЕЛЮ

Работа эта представляет собою доклад, который я в апреле 1923 года представил конференции заграничных органов Армянской Революционной партии Дашнакцутюн.

Глубоко убежденный, что затронутые здесь вопросы послужат предметом серьезных дум не только для партийных товарищей, но и для каждого армянина, я счел своим долгом сдать в печать этот доклад и сделать его всеобщим достоянием.

Печатаю его целиком и без изменений, кроме последних трех-четырех страниц, которые содержат конкретные предложения и предназначены лишь для партийных сфер.

Ов. К.

Бухарест 1923 г.

* * *

ТОВАРИЩИ!

Эти вопросы были для меня предметом весьма долгих и весьма тяжелых дум. Не сомневаюсь, что и вы задумывались над ними. Не знаю лишь, пришли-ли вы к такому же заключению. Боюсь, что нет. Скажу больше, боюсь, что мое последнее заключение,—то слово, которое весьма трудно произнести, но которое я собираюсь сказать, руководствуясь голосом своей совести, вызовет у конференции всеобщее возмущение, а может быть и гнев.

К этому я готов.

Прошу лишь поверить, что мне гораздо тяжелее было написать и подписать это слово, чем вам услышать его из моих уст. Оно не является результатом легкомыслия или малодушия, переходящих настроений или необдуманных

заключений. Оно явилось результатом глубоких убеждений и глубокого сознания постольку, конечно, поскольку я способен мыслить и сознавать, рассуждать, оценивать и выбирать положения.

Поэтому прошу проявить немного терпения и постараться подойти к вопросам без предвзятой мысли. Знаю, что это не легко для лиц, которые живут партийной жизнью и мыслят по партийному.

Простите, если вопрос этот покажется недопустимым. При иных обстоятельствах, подобные слова были бы лишними и неуместными. Но исключительное содержание моего доклада заставляет меня и дает право обратиться к вашему широкому кругозору и к вашему сознанию. Перехожу к своей теме.

Для широкого обоснования заключений считаю весьма необходимым возобновить в вашей памяти некоторые стадии армянского вопроса, от великой войны до Лозанской конференции, и роль Дашнакцутюн в этот период.

Какие стадии прошел армянский политический вопрос с 1914 г., как развивались, складывались и следовали друг за другом события и куда они привели, в частности, что сделано нашей партией и что ей остается еще сделать?

Когда сосредотачиваюсь на этих вопросах, вспоминаю ближайшее прошлое, различаю существенное от несущественного, отделяю основные моменты от второстепенных и случайных, и распределяю события в хронологическом порядке, мне рисуется следующее:

1. В течение осени 1914 г., когда Турция еще не вступила в семью воюющих стран, не готовилась к этому, в Закавказье с большим шумом и с большой энергией начали организовываться армянские добровольческие дружины.

Арм. Рев. Партия Дашнакцутюн, вопреки постановлению своего с'езда, который всего несколько недель до этого в Эрзеруме вынес решение об отрицательном отношении к добровольческим дружинам, приняла активное участие, как в организации дружин, так и в их военных действиях против Турции. В таком весьма тяжелом и ответственном деле, которое было чревато весьма серьезными последствиями, Закавказские органы АРПД и отдельные деятели нарушили волю верховного партийного органа—с'езда.

Почему?

Между прочим по той причине, что сами были заражены массовыми настроениями, увлеклись стихией.

Этот пример заставляет вспомнить и напомнить вам, что Дашнакцутюн в Закавказье и в прошлом являлась не столько автором и инициатором, сколько последователем тех движений, которые возникали независимо от нее. Так было в 1903 году (протесты и демонстрации по поводу захвата церковных имуществ), так было в 1905—6 году (армяно-мусульманские кровавые столкновения), так было и во время первых больших рабочих движений (1903—6 г.), когда Дашнакцутюн в Баку, Тифлисе и Батуме руководила согласно политике и тактике других социалистических партий.

Та-же характерная черта, как это увидите ниже, проявлялась и в нашей дальнейшей деятельности.

Безусловно тщетно сегодня ставить вопрос—должны ли были возникнуть добровольческие дружины. Исторические явления имеют свою собственную железную логику. Осенью 1914 года армянские добровольческие отряды сформировались и выступили против турок, потому что иначе нельзя было. Это явилось естественным и неизбежным результатом той психологии, которой пропитывался армянский народ почти четверть века, целое поколение. Эта психология должна была найти свое воплощение, и нашла.

И не Дашнакцутюн должна была предотвратить это движение, если бы даже и пожелала. Она могла лишь использовать наличные настроения, дать направление и исход скопившимся желаниям и надеждам, сорганизовать готовую силу. На это возможностей и авторитета хватило бы. Но идти против движения и проводить свою собственную линию, партия наша была неспособна, хотя бы по той причине, что она сама являлась массой, сильной инстинктами, но слабой сознанием.

Еще более тщетно сегодня ставить вопрос—кто персонально ответственен за это (если вообще будет поставлен вопрос об ответственности). Если-бы не было епископа Месропа, Ал. Хатисова, доктора Завриева, С. Арутюнова, Дро и Андроника, появились бы другие и сделали бы тоже самое. Если формирование добровольческих дружин являлось ошибкой, то эта самая ошибка была результатом и естественным продолжением того политического направления, корни которого следует искать в далеком прошлом. А пока что, необходимо констатировать, что мы приняли активное участие в добровольческом движении, причем

это наше участие было вопреки постановлению партийного с'езда.

2. Зима 1914 года и первые месяцы 1915 года для всех русских армян, включая и Дашнакцутюн, были периодом воодушевления и надежд.

Не сомневались, что война закончится полной победой союзников, Турция должна потерпеть поражение, подвергнуться расчленению и что местные армяне наконец освободятся.

Мы безоговорочно ориентировались на Россию.

Не имея основания, мы были увлечены победой, мы были уверены, что царское правительство за нашу преданность, наши старания и помощь дарует нам автономию Армении, которая будет состоять из освобожденных армянских вилайетов в Турции и Закавказской Армении.

Мысль наша была окутана туманом. Свои собственные желания мы навязывали другим, безсодержательным словам безответственных лиц мы придавали большое значение, под влиянием самогипноза мы перестали понимать действительность и предались мечтам.

Из уст в уста передавались какие-то таинственные слова, сказанные во дворце, якобы, наместником. Постоянно указывалось на какое-то письмо (письмо Воронцова-Дашкова к католикосу), которое расценивалось нами, как документ, на основании которого в будущем мы должны были пред'явить наши требования и защитить наши права. Между тем, письмо это, составленное мастерски, не содержало в себе ничего, кроме общих и весьма неопределенных предложений, в которые можно вкладывать, по желанию, какой угодно смысл.

Переоценивали силу армянского народа, его политическое и военное значение, а также оказываемую помощь русским. Переоценивая наши весьма скромные достоинства, естественно преувеличивали и наши надежды и ожидания.

3. Летом и осенью 1915 г. имели место насильственные переселения турецких армян, массовые высылки и погромы. Все это нанесло армянскому вопросу смертельный удар.

Та половина исторической Армении, где с 80-х годов, согласно унаследованным традициям и обещаниям европейской дипломатии, должно было быть заложено основание нашей независимости, опустела; армянские вилайеты оставались без армян.

Турки знали, что делали, и сегодня у них нет основания раскаиваться; для коренного разрешения армянского вопроса в Турции этот способ, как показало будущее, являлся самым решительным и самым целесообразным.

И опять бесцельно ставить сегодня вопрос о том, насколько отразилось на несчастной судьбе турецких армян участие наших добровольцев в войне. Никто не может сказать, что не было бы свирепых гонений, если-б по эту сторону границу мы вели другую линию. Равно никто не может сказать, что гонения имели-бы тот-же характер и тот-же размер, если бы на чашу весов не была выставлена наша вражда с турками.

По этому вопросу можно быть разных мнений.

Факт остается фактом, а это существеннее, что борьба против турецкого владычества, начатая десятки лет тому назад, привела к изгнанию и уничтожению турецких армян и к опустошению турецкой Армении.

Такова была кошмарная действительность.

Пусть после этого весь цивилизованный мир содрогнется перед неописуемыми злодеяниями турок. Пусть в парламентах и на общественных собраниях государственные деятели угрожают убийцам-туркам. Пусть издают „желтые“, „голубые“ и других цветов книги. Пусть в церквах всех религий попы молят о ниспослании злодеям-туркам возмездия за их злодеяния. Пусть мировая пресса на своих страницах поместит ужасные описания и показания очевидцев. Какое имеет значение все это?! Дело было уже сделано и не словами надо было оживить трупы, валявшиеся в Аравийских пустынях, не словами надо было восстановить разрушенные очаги и опустевшую страну.

4. Вторая половина 1915 года и весь 1916 год для нас были эпохой всеобщего траура.

Беженцы из Вана, Алашкерта, Басена, все те, кому удалось избегнуть резни, десятками и сотнями тысяч наводнили уезды русских армян... Голодные, голые, больные и об‘ятые ужасом, наводнили наши села и города. Эта голодная масса очутилась в стране, которая сама сидела без хлеба. Обессиленные, больные и обескровленные беженцы очутились под открытым небом. Ширакская и Араратская долины представляли из себя огромную больницу, где армяне на наших глазах, у наших порогов умирали от голода и болезней тысячами.

Мы не в состоянии были спасти эти дорогие жизни. Разгневанные и устрашенные мы искали виновников и тотчас же нашли в лице русского правительства с его коварною политикой.

Со свойственной политически незрелым и неуравновешенным людям непоследовательностью, мы из одной крайности бросились в другую крайность. Насколько вчерашняя наша вера в русское правительство была слепой и необоснованной, настолько слепым и необоснованным явилось наше сегодняшнее обвинение.

Говорили, что русские обманули и предали нас, двигаясь умышленно медленно, проявили нерешительность. наступали и отступали, чтобы туркам дать повод и возможность вырезать местных армян. Русские поступали так для того, чтобы опустошить Армению и затем переселить туда казаков. Осуществляется всем известный проект князя Лобанова-Ростовского—„Армения без армян“.

Так рассуждал и высказывался не только народ, но и наша партия, весьма многие из наших сознательных товарищей.

Мы не хотели понимать, что для об‘яснения линии русского правительства совершенно не требовалось предположить, что у них был проект иметь Армению без армян, а достаточно было знать, что в его планы не входило принять на себя защиту турецких армян во чтобы то ни стало. Такого плана у него конечно не было. Мы лишь свои желания приписывали русскому правительству, и когда не нашли осуществления наших желаний, стали его обвинять в предательстве.

Естественно, наши добровольцы старались днем раньше занять Ван и Муш. Они шли туда спасать армян. В этом заключалась их задача. Между тем, как русские войска не состояли из армян-добровольцев и преследовали иные задачи. Их медлительность и нерешительность, что мы об‘ясняли предательством, легко можно было об‘яснить обычным бессилием русского командования, (примеров такого бессилия чрезвычайно много и на других фронтах), или общим военными требованиями, кои нам не были известны.

Данное явление было чрезвычайно характерно, интересно и заслуживает особого вниманя. Мы, политическая партия, забывали что наш вопрос для русских не пред-

ставлял интереса и поэтому они при случае легко, без колебаний, перешагнут через наш труп.

Не скажу, что мы этого не понимали, что мы этого не знали. Конечно, знали и достаточно хорошо формулировали положение, когда это нужно было. Однако, весь смысл этой формулировки нам не был ясен, мы забывали то, что знали и зачастую имели наивность думать, что вся война ведется из-за армянского вопроса. Когда русские наступали, мы были уверены, что они идут спасать армян, а когда отступали, говорили, что отступают, чтоб дать туркам вырезать нас.

В обоих случаях мы результат смешивали с целью и преднамерениями.

Искали доказательств предательства русских и, конечно, находили, точно также, как шесть месяцев тому назад искали и находили неоспоримые доказательства благожелательного отношения русских.

Горько жаловаться на злую судьбу и находить вне нас причину нашего несчастья—это одна из характерных черт нашей национальной психологии, которой не избегла и партия Дашнакцутюн.

В убеждении, что русские подло поступили с нами, как будто заключалось особое утешение (в дальнейшем должна была наступить очередь французов, американцев, англичан, грузин, большевиков—словом всего мира).

Как будто геройство было в том, что мы оказались наивными и недальновидными, и вследствие этого очутились в таком положении, что каждый желающий мог нас подводить, изменять нам, резать или предоставить другим резать.

5. В феврале 1917 года вспыхнула русская революция. Перед нами совершенно неожиданно открылись новые перспективы.

В России утверждался демократический правопорядок. В порядке дня были чрезвычайно важные социальные вопросы (напр. вопрос о социализации земель). Будучи демократами и социалистами, мы с восторгом приняли новый порядок. Одновременно, являясь национальной политической партией, особенно были увлечены децентрализацией власти и автономией окраин и народов.

Началась энергичная работа.

Старый государственный механизм надо было изменить, надо было на местах создать новую власть. Пере-

живая начальный период революции, центральное правительство не было в состоянии озаботиться этим вопросом. Он целиком был предоставлен местным работникам. Лозунги были даны. Общественные установления, как например, политические партии, рабочие профессиональные союзы, национальные представительства,—были призваны к деятельности (вернее сами себя призвали).

В Закавказье, где множество национальностей, особенно сложным и трудным был вопрос об участии этих национальностей в составе правительства. В главных центрах создались национальные советы, в том числе и армянские национальные советы.

В Тифлисе были учреждены „Закавказский комиссариат" и „Закавказский центр рабочих, солдатских и крестьянских советов",—два независимых друг от друга органа центральной власти, которым вменялось в обязанность управлять делами края до создания постоянных государственных органов.

„Центр советов" в конце года потерял свой авторитет и отошел от политической жизни. Параллельно укрепился „Закавказский Комиссариат", который превратился в совет министров для всего Закавказья.

6. „Комиссариат" также, как и впоследствии Сейм и закавказское правительство, имел коалиционный состав.

По названию и по форме он был межпартийным, а по существу межнациональным. Главными партиями являлись—меньшевистская фракция, соц. демократы, „Муссават" и арм. рев. партия Дашнакцутюн. Фактически они представляли три главных нации края: грузин, азербайджанских татар и армян.

В „Комиссариате", как впоследствии и в Сейме, и в правительстве, командную позицию, руководящую роль заняли грузинские меньшевики.

Почему?

Вот некоторые из причин.

Первая—комиссариат получил свои полномочия от петроградского временного правительства, а именно, из кругов Государственной думы. В Думе грузинские депутаты, опираясь на такую мощную организацию как российская с. демократ. партия, давно уже занимали важные позиции, приобрели влияния и связи. Естественно, при составлении „Комиссариата" для Закавказья в первую очередь

были выдвинуты они, а не армяне или татары, существование коих в Думе было совершенно незаметно.

Вторая—для ведения государственных дел грузины имели более или менее подготовленных людей, которые благодаря своему активному участию в работе большой политической партии и затем Думы, имели определенный навык и практику и приближались к типу государственных деятелей. Ни мы и ни „муссаватисты“ такой школы не проходили, не имели этой подготовки. „Муссават“ был новой партией, а Дашнакцутюн больше была подготовлена к подпольной работе. Несомненно, определенное значение имела и подготовленность лидеров партии: Грузины дали несколько талантливых людей, несколько общественных имен, рядом с которыми нам некого было сажать и вследствие этого мы вынуждены были занять место во втором и третьем рядах.

Другое обстоятельство. В эпоху старого режима в Закавказье государственная служба главным образом была в руках грузин. Это положение осталось и после переворота, так как для ведения технической работы у грузин было больше подготовленных лиц. Служба естественно становилась прочной опорой для укрепления грузинского элемента в государственном механизме. Начиная с „Комиссариата“ и кончая железной дорогой и почто-телеграфом.

Самое же главное в следующем:

В Закавказье грузинский народ был наиболее сознательным и наилучше организованным. Помимо этого физическому существованию грузинского народа ниоткуда не грозила опасность. Поэтому грузины были сильнее других.

Благодаря приятному географическому положению, компактности грузинского народа, благодаря тому, что в течение войны он меньше пострадал, благодаря отсутствию неразрешимых споров с соседями, которые угрожали бы его существованию,—благодаря всем этим условиям, у грузин больше было возможности заставить прислушиваться к их голосу, чем у армян и азербайджанцев.

При случае грузины легко могли найти общий язык с Турцией и Азербайджаном, во всяком случае значительно легче, чем армяне. Далее, грузины за пределами Грузии не имели масс, которым угрожала опасность, между тем, как у армян были собратья в Азербайджане, а у азербайджанцев—в Армении.

Грузины спокойно жили в своей стране и если у них с соседями были пограничные споры, то источником их являлись исключительно империалистические стремления, которые можно было ускорить и даже совершенно устранить, не подвергая совершенно опасности настоящее или будущее Грузии.

Иными были армяно-турецкие и армяно-татарские взаимоотношения. У них были вековые вопросы, которые нельзя было разрешить без крупных столкновений. Турция, окончательно потерпев поражение на западе и на юге, стремилась обеспечить и укрепить свое будущее на северо-востоке. А здесь армяне, вклинившись между Эрзерумом и Баку, загораживали туркам путь.

Армяне с азербайджанцами имели неразрешимые пограничные споры. Вопрос не заключался в том, чтобы приобрести один или два уезда, а в стремлении создать национальную компактную массу. Это стремление было как у армян, так и у мусульман. Армения не могла бы существовать без татарской Шарур-Нахичевани, а Нахичевань для Армении не то, что Закаталы, Ахалкалаки и Лори для грузин. В этом—то и было несчастье, как Армении, так и Азербайджана.

Политически зрелым народам вероятно удалось бы найти мирное разрешение. Ни у нас, ни у азербайджанцев не было этой зрелости и поэтому спор этот являлся источником взаимной вражды и недоверия.

Грузины мастерски (скажу сильнее-цинично) пользовались армяно-турецкой и армяно-татарской враждой в целях упрочения своего привиллегированного положения. Опираясь на турок и татар или угрожая, что выпрямят свой фронт в том или другом направлении, нас ставили в невыносимое положение и заставляли приспосабливаться к своим желаниям. А когда нужно было вступать в союз с нами, они угрожали азербайджанцам. Такое поведение являлось политическим шантажем, который давал грузинам преимущество перед соседями и обеспечивал их гегемонию.

Я несколько распространился, но это необходимо для того, чтобы понять политическую обстановку Закавказья того времени.

Наша партия должна знать и помнить, что в самые тяжелые дни она действовала под гегемонией грузинской соц.-демократической партии, влачась в ее хвосте

7. В последних числах сентября 1917 года в Тифлисе собрался всеармянский с‘езд. Образовалось национальное собрание со своим исполнительным органом, который назывался национальным центральным советом. Этот самый национальный совет впоследствии говорил от имени армянского народа Закавказья и явился полномочным представителем всей нации.

Как на с‘езде, так и в собрании и совете руководящую роль играла Дашнакцутюн.

8. В конце того-же года в Закавказьи имели место выборы членов Всероссийского Учредительного Собрания.

Из партий, ведущих предвыборную компанию, соц.—демократы меньшевики получили 12 мест, «Муссават»—10 мест, Дашнакцутюн—9 мест, остальные партии получили незначительное количество.

Эти три главные партии, представляли три главные нации, которые, согласно своему политическому весу, расположились так: грузины, татары, армяне. Эти выборы лишний раз показали, что в армянской действительности наиболее мощной, вернее единственно мощной, единственно организованной партией являлась Дашнакцутюн.

9. Всероссийское Учредительное собрание не собралось. В октябре вспыхнула большевистская революция, одержала она победу в Петрограде и Москве, провозгласила советский правопорядок и не позволила Учредительному собранию собраться, считая его буржуазным установлением.

Закавказье осталось верным февральской революции и не пожелало признать советскую власть и советский порядок.

Почему?

Потому, что на нашей окраине правящие партии стояли на платформе широкой демократии и поэтому не могли признать классовую и особенно партийную диктатуру. Помимо этого они были убеждены, что страна пока еще не созрела для чисто социалистического, а тем паче для коммунистического строя (не говоря уже о том, что в „Муссавате“ ничего социалистического не было). Социалистический характер АРП Дашнакцутюн был поверхностный, без глубоких корней в партийных массах. А в рядах грузинских меньшевиков слышком было сильно национальное, анти-русское течение.

Во-вторых, грузинские меньшевики, которые давали направление закавказской политике, являлись явными противниками большевиков, отколовшихся от них.

Оставаясь верным своими догмам и общей политике партии, меньшевики у нас вели такую же борьбу, какую их русские товарищи вели в России. Муссават, имея бурное желание овладеть городом Баку и увлекшись идеалами пантуркизма старался днем раньше отделиться от России.

Арм. Рев. Партия Дашнакцутюн в Баку, опасаясь татарского господства, имела довольно тесную связь с местными большевиками и даже способствовала им, в Тифлисе же не могла игнорировать грузинами и татарами и вести большевистскую политику. Не могла бы, если-б даже было желание. Но и желания не было, так как ни большевистская идеология, и ни тактика, не увлекали ее.

Наша партия была в антибольшевистском лагере, отчасти вследствие внутренних убеждений и отчасти под давлением внешних условий.

10. Уместно здесь упомянуть о той средней и шаткой позиции, которую занимали наши товарищи в Баку. Промышленный Баку со своими многотысячным пролетариатом и сильными рабочими организациями имел более благоприятные условия для развития большевизма. Он являлся единственным районом во всем Закавказьи, где большевики, с первых же дней революции, нашли верное убежище и прочную опору. Формально, Баку не отрицал власть Закавказского Комиссариата, даже после Октябрьской революции. Фактически же делами управляли два местных органа—“Совет Общественных Учреждений„ и “Совет Рабочих Депутатов„.

В первом господствовало антибольшевистское течение, во втором же--большевистское.

Наша партия имела представителей как в первом, так и во втором органе.

Эти два независимых друг от друга и разные по характеру органа находилась в открытой борьбе за власть.

В первый период сила была в руках “Совета Общественных Учреждений„ (здесь умеренные социалисты молчаливо заключили блок с либеральной буржуазией против большевиков). “Совет Рабочих Депутатов„—же усиливался с каждым днем и в январе 1918 года уж являлся хозяином положения.

"Совету" направление давала фракция большевиков. Большевики тогда внушительной силы не представляли, их успех основывался главным образом на том взаимном недоверии, которое господствовало в противоположном лагере.

Большевикам могли противопоставить реальную силу лишь две партии—татарский "Муссават" и армянский Дашнакцутюн. Но для того, чтоб иметь успех в своей борьбе с большевизмом, этим партиям необходимо было об'единиться,—а это было немыслимо, потому, что не было взаимной веры и доверия. Дашнакцутюн понимал, что Муссавату его дружба нужна постольку, поскольку существует большевистская угроза и опасность. Нейтрализовав большевиков, „Муссават" во вторую очередь, должен был удалить с политической арены и Дашнакцутюн. Вне всякого сомнения, что так сделали бы и большевики после того, как при содействии вооруженных дашнакских отрядов уничтожат "Муссават„. С точки зрения безопасности армянского населения Баку, диктатура большевиков была значительно приемлемее, чем диктатура «Муссавата».

Этим лишь об'ясняется, что наши в Баку все больше и больше предавались большевистскому движению и служили как бы опорой для него.

Как в Тифлисе мы невольно подпали под гегемонию грузинских меньшевиков, точно также в Баку мы находились под влиянием большевиков. В обоих случаях нас к этому принуждала турко-татарская опасность. При нашем содействии в Баку большевики разгромили «Муссават» (в марте 1918 г.), а мы, при содействии большевиков и русского элемента, сумели защитить Баку от турко-татарского нападения.

А затем, по нашей инициативе, но уже против желания большевиков, из Персии призвали английские войска; это было в последнюю минуту, когда большевики готовились удрать в Россию и уже садились на пароход.

Если-б англичане основательно укрепились в Баку, вероятно, дальнейшие события приняли бы несколько иной характер. Между тем, как английские войска своей немногочисленностью вселили в население неуверенность, сели на лодки и вернулись в Персию.

Мы остались одни и ничего не могли сделать, как последовать примеру англичан—удрать в Персию.

Азербайджанское правительство, которое до этого находились в Гандже, вместе с турецкими войсками и

вооруженной толпой вступило в Баку. Началось беспощадное избиение армянского населения (как в марте, во время большевистско-муссаватской борьбы имело место избиение мусульманского населения в меньшем размере).

Эти события происходили вне Армении, в одном из отдаленных татарских районов, но отражались на нашем политическом положении, осложняя и затрудняя его.

Татары все время настраивали турок против нас, ускоряли их наступление с тем, чтоб днем раньше занять Баку, а для этого мастерски спекулировали на мартовских событиях, приписывая их исключительно армянам. Грузинам естественно не нравился наш контакт с большевиками; они смотрели на нас косо, подозревая, что мы ждем удобного момента, чтоб раскрыть двери Закавказья перед русскими большевиками. Помимо этого, привод английских войск в Баку в то время, когда в Тифлисе сидели немцы, с которыми они любезничали,—рассматривался ими как измена грузино-германо-турко-татарской политике.

Вследствие нашей политики в Баку, нас наши соседи стали рассматривать как самостоятельных союзников. А наши бакинские товарищи продолжали вести свою собственную политическую линию, с тем расчетом, что укрепившись в Баку и привлекая к Баку турко-татарские силы, тем самым спасут остальную часть Армении от турецкого нашествия.

Возвращаюсь к хронологическому порядку.

11. В конце ноября 1917 года началось разложение русской армии и бегство русских солдат с Кавказского фронта. Фронт разваливался с ужасающей скоростью.

В конце января армии уже не было. Незначительные армянские войска вместе с последними остатками бывшей армии должны были охранять Эрзерумскую линию.

12. Положение Закавказья становилось весьма опасным.

Большевистская революция и гражданская война, которая развивались с каждым днем, окончательно отрезали окраины от России.

„Комиссариат“, который продолжал править краем от имени „Временного правительства“ Керенского, после падения Временного правительства, потерял под собой всякую почву. Надо было создать новую власть, более авторитетную в глазах населения и более правомочную независимо управлять государственными делами. Это власть была создана в лице Закавказского Сейма и его правительства.

Сейм составился из Закавказских депутатов Всероссийского Учредительного Собрания в утроенном размере. Таким образом меньшевики (Грузия) получили в Сейме 36 мест, „Муссават“ (Азербайджан)—30 мест, Дашнакцутюн (Армения)—27 мест.

Сейм собрался в Тифлисе, который являлся естественной и неоспоримой столицей Закавказья.

На первом заседании, 10 февраля 1918 г., был заслушан отчет „Комиссариата“ и была принята его отставка. Затем, имея ввиду, что наш край фактически отрезан от России и неизвестно, когда будет установлена связь с нею, Сейм провозгласил независимость Закавказской демократической республики, себя признал единственным законодательным органом края и поручил Е. Гегечкори (грузинский меньшевик) составить временное правительство (кабинет министров), которое будет ответственно перед Сеймом.

Это не означало отделения от России. Оно вытекало из фактического положения вещей и должно было иметь лишь временный характер. Закавказье с международной точки зрения продолжалось рассматриваться как неот'емлемая часть России.

13. Турецкие войска, подбодренные разложением русской армии, спешно реорганизовались, приводили себя в порядок и постепенно вновь завоевали утерянные области. Одновременно турецкое командование (Вехиб-паша) приняло на себя инициативу в об'явлении перемирия и предложении мирных переговоров.

Сейм постановил прекратить войну и заключить мир с турками.

Первые переговоры имели место в Трапезунде в марте 1918 года.

Дашнакской фракции удалось включить в требование Сейма особый пункт (один из четырех основных пунктов), —коим признавалось самоопределение турецких армян в пределах Оттоманского государства.

На это требование (оно было выражено весьма неопределенно и допускало всякие компромиссы) турки тотчас же дали сухой ответ, указывающий, что вопрос с самоопределением турецких армян является внутренним вопросом Турции и никто не в праве вмешиваться в турецкие внутренние дела. Было дано понять, что если еще раз мы подымем вопрос о турецких армянах, они прекратят всякие

переговоры. Закавказцы больше этого вопросы не ставили. Не ставили по ясным причинам—решение Сейма являлось лишь формальной уступкой армянам, у Сейма не было серьезного намерения настаивать на своем требовании. Грузины не имели никакого настроения (и нужды) создавать себе лишние хлопоты, а азербайджанцам государственные интересы Турции были более близки, чем судьба армян и даже будущее Закавказской республики. Ясно, что армянские члены делегации не могли навязать татарам и грузинам свое желание. Чтобы быть справедливым, надо сказать, что если бы тогдашние наши союзники (грузины и татары) вполне искренно и серьезно пожелали бы защитить требования армян, успеха все равно не добились бы. Соотношение сил было в пользу Турции, поэтому у нее не было основания итти на уступки. Это было ясно и нам—армянам—членам делегации.

Предметом переговоров и долгих споров был пограничный вопрос.

Турки были того мнения, что граница между Закавказьем и Турцией установлена Брест-Литовским договором, заключенным с русскими большевиками и что они явились в Трапезунд не с целью пересмотра этого договора, а исключительно с целью установить добрососедские отношения со своей новой соседкой—Закавказской республикой. А закавказцы не признавали Брест-Литовского договора и находили, что вопрос о земельных уступках Турции входит в компетенцию Закавказских народов. Иначе говоря, Закавказская делегация не желала признавать правомочия Советского правительства, во-первых по той причине, что Советское правительство в самой России не признается законным и, во-вторых, согласно лозунга о самоопределении народов, провозглашенного в течение великой войны, хозяевами Закавказья являются сами закавказские народы, а не русское правительство, если-б даже оно рассматривалось вполне законным.

Эту точку зрения очень трудно было отстаивать не только потому, что она являлась новой и спорной в международном праве, но главным образом вследствие того, что турецкая армия усиливалась с каждым днем, а Закавказская разваливалась. Не секрет, что в международных спорах право принадлежит тому, кто сильнее.

Эту точку зрения трудно было отстаивать еще и по той причине, что в самой делегации не было единодушия.

Грузины были заинтересованы главным образом Батумским и Аджарским вопросами и чтоб спасти этот район (целиком или частично) они готовы были уступить туркам Карс и Ардаган.

Наоборот, армянам нужен был Карс. Для получения Карса мы готовы были сделать большие уступки в Аджарии. А азербайджанцы желали, чтоб в Аджарии образовалась отдельная юго-западная мусульманская республика, как четвертая (или пятая, если принять во внимание и Дагестан) часть Закавказской федерации. В противном случае они предпочитали, чтоб Аджария присоединилась к Турции. Они были против присоединения Аджарии к Грузии.

В вопросе о Карсе и Ардагане азербайджанцы целиком разделяли точку зрения турок. Карс и Ардаган они рассматривали как турецкие земли и поэтому присоединение их к Турции они считали вполне естественным.

Турки великолепно были в курсе этих внутренних разногласий и поэтому твердо стояли на своих позициях.

Было еще одно требование, которое вызвало большой спор: турки настаивали, чтобы Закавказье об'явило о своем отделении от России, после чего только они считали возможным заключить с ним договор.

Закавказцы утверждали, что Закавказье физически отделено и фактически независимо. Турки же вполне резонно заявляли, что для подписания международного акта не достаточно фактического положения, необходимо еще юридическое положение, которое приобретается лишь после совершения определенных формальностей.

Непродуктивные переговоры велись целый месяц... Туркам было выгодно затягивать переговоры (иначе они могли их в любой момент прекратить). Время шло, наша военная сила и обороноспособность постоянно падала, а турецкая увеличивалась. Пока в Трапезунде делегации собирались на заседания и занимались перепиской, турецкая армия беспрепятственно подвигалась вперед. В конце марта был занят Эрзерум, а в первых числах апреля—Батум.

Несмотря на это Сейм не признавал своего поражения.

Когда окончательно выяснилось, что турки ничего не думают уступить из Брестского договора, Сейм отозвал свою делегацию, и трапезундские переговоры прекратились (это прекращение назвали перерывом).

14. Внутренние разногласия, которые наблюдались в Сейме и в федеративном правительстве в первые же дни их образования, ныне выявились еще рельефнее.

Успехи турок подбадривали азербайджанцев; их делегаты в Трапезунде имели возможность (несомненно они эту возможность использовали) подольше совещаться с турками и выработать единый план действия. В Сейме азербайджанцы не скрывали, что они на стороне турок. Защищая и развивая точку зрения Турции, они требовали, чтоб немедленно было об'явлено отделение Закавказья от России, затем, требовали больше уступчивости к Турции, настаивали придти с ними к соглашению и прекратить войну, заявляя при этом, что религиозное чувство мусульманской демократии не разрешает им принимать активное участие в войне с Турцией.

Это слово, которое в Сейме было произнесено муссаватским оратором, следует понимать в том смысле, что в случае продолжения войны с Турцией, Закавказские татары не только не будут с нами (фактически они никогда не были, никогда не сражались на турецком фронте), но даже выступят против нас.

Грузины, главным образом меньшевистская фракция Сейма несколько колебались.

Среди них было два течения, две разные ориентации—русская и германо-турецкая. Сторонники русской ориентации не хотели окончательно отделяться от России, однако считая Брест-Литовский договор совершенно неприемлемым, полагали, что война представляет меньшее зло, чем мир, заключенный на таких условиях. Сторонники второго течения были против России, русскую опасность для независимости Грузии считали более значительной, чем турецкую, и поэтому были готовы на максимальные уступки, чтоб придти с турками к соглашению (говоря яснее, они надеялись, что уступками за счет Армении удастся им спасти если не всю Аджарию, то Батум и его порт во всяком случае).

Армяне (в Сейме дашнакская фракция) не хотели отделения от России и ничего хорошего не ждали от Турции. Армяне больше всех были заинтересованы в приостановлении турецкого нашествия силою оружия, так как знали, что больше всех (а может быть и исключительно) пострадают сами и все еще надеялись на военную удачу.

В апреле в Александрополе исключительно по этому вопросу собралось армянское национальное собрание, которое, вопреки докладу автора этих строк, постановило отклонить Брестский мир и продолжать войну. Осуществить это решение, однако, не пришлось, так как мы не являлись хозяевами положения и не располагали даже своей судьбой.

Колебания грузин продолжались не долго. Германо-турецкое крыло в Сейме одержало победу и в результате этой победы 22 апреля Сейм торжественно об'явил об отделении Закавказья от России. По этому поводу грузинкими и татарскими лидерами в Сейме были произнесены восторженные речи. Дашнакская фракция присоединилась к предложению об отделении, не произнося никаких речей.

Не легко было нам идти на это отделение. Другого исхода не было. Если-б высказались против, Закавказская Федерация разрушилась бы, грузины и татары помирились бы с турками и мы очутились бы в одиночестве, имея перед собой турецкую армию. Россия, (ни большевистская и ни антибольшевистская) тогда не сумела бы придти нам на помощь, если-б даже она пожелала этого. Мы были бы не только в одиночестве: тыл наш был не безопасен—ясно было, что вместе с турками на нас пошли бы азербайджанцы (как знать, может быть и грузины, чтоб целиком занять Ахалкалаки, Лори и Бамбак). Мы больше всех нуждаясь в Закавказской Федерации, не желали, чтоб она расстроилесь. Вот почему мы вынуждены были идти за своими соседями.

15. 25-го апреля пал Карс. Пал почти без боя, так как из Тифлиса был получен приказ сдать туркам крепость. Этот предательский приказ был дан без нашего ведома. Он вызвал большое возмущение против авторов. Федеративная республика в этот день висела на волоске.

Но факт уже был свершен. Самый важный стратегический наш пункт—Карская крепость—была в руках турок. Не оставалось места для колебания и медлительности.

Сейм постановил возобновить прерванные в Трапезунде переговоры, согласившись иметь исходной точкой Брест-Литовский договор.

Переговоры возобновились в Батуме (там турки к этому дню сидели прочно) в первых числах мая. Турки на сей раз говорили иным языком. Брестский мир их уже

не удовлетворял. Указывали, что после Трапезунда они пролили новую кровь, которую надо возместить. Требовали новых земельных уступок, главным образом, за счет Армении. Возобновились долгие и бесполезные разговоры. Брестский договор, о котором несколько месяцев тому назад в Трапезунде и слышать не хотели, являлся нашим единственным наибольшим желанием. Но турки были неумолимы. Крепко держались за наше горло и не хотели отпустить.

15-го мая турецкие войска перешли реку Арпачай (граница по Брестскому миру), в течение нескольких часов заняли Александрополь и двинулись на Караклис.

Положение становилось невыносимым.

Подвергался опасности Тифлис, столица Грузии и Закавказья. А переговоры в Батуме находились на мертвой точке.

16. Все развивающиеся в Сейме разногласия никаким компромиссом нельзя было примирить. Взрыв был неизбежен.

Грузины видели, что мы являемся для них лишней обузой, что без нас они легко разрешат свои дела. А у азербайджанцев было только одно желание—днем раньше соединиться с турками и с ними вместе вступить в Баку. После победы турок надобность в Закавказской Федерации у азербайджанцев отпала. Грузины были им не нужны, а армяне рассматривались как враги.

Час раскола настал.

26-го мая Сейм, принимая во внимание, что вокруг вопросов о войне и мире имеются коренные разногласия среди закавказских народов, об'явил себя распущенным и сложил свои полномочия.

В тот же день и том-же помещении грузинский национальный совет торжественно провозгласил независимость Грузии.

На следующий день то же самое сделал Азербайджан.

Очередь была за Арменией.

Должны ли были мы об'явить независимость, имели ли возможность создать собственное государство и удержать его?

Вопросы эти были до смешного излишни. В конце мая 1918 года не место и не время было выбирать. История привела нас к определенному положению. Мы должны были набраться смелости и разрешить его, т. к. не хотели

быть уничтоженными. Мы должны были стать хозяевами Армении, иначе могли потерять ее безвозвратно. Малейшее колебание и промедление привело бы к res nullius (вещь, которая никому не принадлежит) и как таковая стала бы добычей соседей—турок, грузин и татар.

28-го мая, поздно ночью, центральный национальный совет решил об'явить Армению независимой республикой, а себя наивысшей властью республики.

Такого полномочия Совет от национального собрания не получал, и несмотря на это не остановился перед формальным препятствием и впоследствии никому в голову не приходило обвинить его в превышении власти. Всем было ясно, что другого исхода не было.

17. 22-26 мая были Сардарабатские бои; 25-28 мая —Караклисские.

Армянский народ прилагал последние усилия, чтобы спасти свою жизнь. Несомненно, эти упорные бои, это геройское сопротивление (в особенности под Караклисом), которое проявила сама масса (армии больше не было), несколько подняло наше значение в глазах турок и дало возможность заключить мир.

Армянские делегаты, на сей раз уже от имени Армянской республики, имея полномочия национального собрания, вернулись в Батум и 4-го июня подписали договор.

Этот период в жизни армянского народа являлся новым—периодом возрождения давным давно утерянной самостоятельности государственной жизни.

18. 1-го августа в Эривани открылся Армянский Парламент и образовалось первое правительство.

Парламент представлял тот же национальный совет с утроенным числом депутатов. К ним было прибавлено шесть мусульманских депутатов, один русский и один езид. Гегемония принадлежала А. Р. П. Дашнакцутюн. Ввиду того, что наша фракция из 47 голосов имела лишь 18 и не сумела блокироваться ни с одной фракцией, парламент не имел устойчивого центра и определенной политической физиономии.

Не было устойчивости и в правительстве. В течение первых 10-ти месяцев четыре раза изменился состав кабинета министров, оставаясь однако под председательством одного и того же премьера.

Первые кабинеты были коалиционными (дашнаки, кадеты, военный министр беспартийный). Коалиционное правительство не имело прочной базы под собой, так как не имело гарантированного большинства в парламенте (кадеты часто откалывались от дашнаков), а самое главное не было определенного программного соглашения среди партий, составлявших коалиционный кабинет. Весьма препятствовала и та позиция, которая была занята нашей партией по отношению к правительству.

19. Считаю уместным здесь несколько остановиться на одной значительной ошибке, о которой будет речь и ниже.

. Армения была демократической республикой. Дашнакцутюн не только не был против этого, но даже сам настаивал на этом. Республика имела свойственные демократическим парламентским государствам особые органы —однопалатный законодательный орган, составленный из народных представителей и ответственное правительство. Парламент был составлен из представителей четырех существовавших тогда партий и национальных меньшинств. В дальнейшем наш парламент был избран на самых демократических принципах (пятичленное избирательное право). Правительство получало свои полномочия от законодательного органа (Армения не имела президента республики), отчитывалось и отвечало перед ним.

Такова была форма.

Иной была действительность.

Фактически наша партия стремилась подчинить себе, взять под свой контроль как законодательный орган, так и правительство. У нас не хватало смелости (и возможности) открыто об‘явить диктатуру партии. Не хотели одновременно оставаться и в рамках парламента и пытались в Армении осуществить иттихадский образ действия—партийная диктатура под флагом демократической формы правления.

В результате обнаружилась недопустимая двойственность власти—оффициально парламент и его правительство, а неоффициально—партия и ее органы.

Естественно, эти два вида власти, оффициальный и неоффициальный, мешали лишь друг другу. Формальные требования не допускали, чтобы партия свободно и быстро действовала, проявила свою волю, а вмешательство партии не разрешало правительству действовать так, как оно

считает необходимым. Это положение страшно затрудняло дело создания коалиции. И действительно, посторонние элементы коалиционной власти вынуждены были проводить политику, которая не была своей, проектировалась вне правительства, в партийных органах, куда они не имели доступа.

По этому больному вопросу летом прошлого года по предложению ответственного органа партии я составил довольно обширный доклад для представления общему собранию (обще-партийному с'езду). Доклад мой был прочитан на созванном в Константинополе районном собрании.

Здесь же довольствуюсь лишь этими несколькими строчками.

20. В ноябре было об'явлено всеобщее перемирие. Германия и ее союзницы потерпели поражение.

Германские войска спешно ушли из Грузии. Турки также отошли к своим прежним границам.

В конце месяца в Батуме высадились английские войска —войска наших союзников. Мы стали питать новые надежды. Казалось, что наше положение в Закавказье должно в корне измениться к лучшему. Ведь победителями и заменившими в Тифлисе германские войска были наши союзники. Ведь и мы сражались в рядах против общего врага. Естественно, мы должны были бы пользоваться особым дружелюбием англичан в отличие от грузин, которые во всю любезничали с немцами, и азербайджанцев, открыто перешедших на сторону турок.

Вновь ошиблись. Англичане никакого различия не проявили. Как будто не знали или забыли, что мы их союзники. К грузинам и азербайджанцам проявили такое великодушие, которое явилось совершенно неожиданным и непонятным. Конечно, мы остались недовольными англичанами и нашли, что они неблагодарные. Это было самым легким способом об'яснить себе непонятное явление. Нашли, что они неблагодарные и этим облегчили свою душу. А источников неблагодарности искать уж не стали.

21. В начале декабря возникла армяно-грузинская война, которая велась весьма недолго.

Когда турки двинулись из Александрополя в Бамбак и заняли Караклис, грузины этим воспользовались и ввели свои войска в Армянский Лори. Об'яснили тем, что хотят остановить наступления турок на Тифлис. Однако, и после ухода турок грузины не хотели очистить Лори. Наоборот, всячески старались укрепиться там.

Недовольство местного населения подавляли жестоко. Лори сделался яблоком раздора между армянами и грузинами, самым серьезным из пограничных споров.

Чтобы произвести на нас давление Грузия фактически отрезала нас от внешнего мира, заперла нас в своих границах. Даже тот хлеб, который привозился из заграницы, чтоб прокормить наших беженцев, встречал в Грузии множество препятствий и целиком до места не доходил.

Грузия заняла Лори, закрыла железно-дорожное сообщение. Мы были в положении осажденных. Это и являлось действительной причиной войны. А непосредственным поводом послужило восстание нескольких армянских сел Лори и крутые меры грузинского правительства. Казалось, что правительство ищет повода, чтоб вырезать армянское население.

Вполне вероятно, что определенную роль сыграла и провокация русских офицеров, которые несли службу в нашей армии. В Грузии правительство всячески старалось ослабить русский элемент (он был достаточно силен в Тифлисе), нейтрализовать его вляние и национализировать государственный механизм. В этих целях оно не только увольняло со службы русских чиновников и военных, но и массами выселяло их за пределы Грузии.

В нашей армии было много русских офицеров, которые имели связи в Тифлисе (а может быть и в добровольческом отряде Деникина). Возможно, что они настраивали наши военные круги против Грузии, создавали враждебную атмосферу, весьма полезную для начала военных действий.

Война длилась всего три недели. 31 декабря англичане вмешались, и мир был восстановлен. Лори был об‘явлен временно нейтральной зоной, грузинская власть там заменилась армяно-грузинской властью под контролем английского комиссара.

Таким образом, исход войны был для нас несколько благоприятным. Мы частично достигли своей цели (железнодорожное сообщение также, благодаря присутствию англичан, возобновилось) А все-таки война заставила подумать о многом. Всего 4-5 месяцев мы вели государственную жизнь и уже были охвачены войной, в то время как страна имела массу нужд. Воевали с тем соседом, с которым нам надо было иметь самый тесный контакт. Ведь только через Грузию мы связывались с внешним миром.

Мы это сознавали и искренно желали жить с грузинами дружно. Но не сумели. В этом сыграло немалую роль, помимо той позиции, которую заняла по отношению к нас независимая Грузия, также наше собственное бессилие, наша политическая недоразвитость и неумение вести государственный аппарат.

22. Уместно здесь упомянуть о тех непрерывных войнах, которые мы вели на северо-восточных границах и внутри страны.

Оффициально с Азербайджаном мы не находились в состоянии войны, ибо фактически дрались в Карабахе и частые столкновения с ними имели в Казахе. Ряд кровопролитных битв внутри страны с местным мусульманским населением в Агбабе, Зоде, Зангибазаре, Веди-Базаре, Шарур-Нахичевани, Зангезуре и т. д.

И опять, не подлежит оспариванию, что позиция Азербайджана была явно враждебной нам. Не подлежит оспариванию также, что местное мусульманское население подбодренное Турцией и Азербайджаном, придерживалось анти-государственной линии. Важно то, что мы не сумели найти целесообразных мер для обеспечения нашего положения как извне, так и изнутри. Не сумели найти с Азербайджаном более или менее приемлемое modus vivendi, не сумели административными мерами установить порядок в мусульманских районах, вынуждены были прибегать к оружию, двигать войска, разрушать и устраивать резню и встречать даже в этом неудачи, что несомненно подрывает престиж власти. В таких важных пунктах, как Веди-Базар, Шарур-Нахичевань, не сумели установить свою власть даже силой оружия, потерпели поражение и отступили.

23. 28-го мая 1919 года, в день первой годовщины нашей независимости, парламент об'явил независимую Армению „об'единенной," иначе говоря, включил в состав существовавшей Армении все те армянские земли, которые, предположительно, должны были освободиться от турецкого господства. В этом акте некоторой частью турецких армян была усмотрена узурпация своих прав, весьма опасная для армянского вопроса в Турции. Волновались, шумели и протестовали, снова и еще сильнее был противопоставлен армянский вопрос в Турции армянскому вопросу в России. В этом акте либеральная буржуазия, как внутри страны, так и вне, усмотрела произвол со стороны Дашнакцутюн и еще больше вооружилась против него.

Протесты и опасения эти не имели никакого основания. Не было намерения узурпировать, не было и партийного заговора, и впоследствии выяснилось, что ничем этот акт повредить армянскому вопросу в Турции не мог. Майская декларация ни на иоту не отразилась на ходе армянского вопроса в Турции, никто даже ее не заметил.

То же ближайшее будущее показало, что надежда авторов этой декларации, которая должна была укрепить политический вес Армении и облегчить дипломатическую работу в Европе, оказалась тщетной. Положение в глазах европейской дипломатии ничуть не изменилось. Одна лишь декларация нашего парламента, этот словесный акт без соответствующих действий, не мог бы нейтрализовать силу фактов. Вслед за этой декларацией надо было ожидать упразднения национальной делегации в Париже, чего, однако, не случилось. После 28 мая также в Европе остались, бок-о-бок, два различные дипломатические представительства (делегация Республики и Национальная делегация), которые были призваны отстаивать один и тот же вопрос в одних и тех местах, в одних и тех же сферах. Только еще более затруднилось согласование этих двух органов, ведущих друг с другом борьбу из за полномочий. Таким образом, нарушился наш единый фронт в Европе. А в Армении затруднилась коалиция с либеральными элементами, в результате чего наша партия еще более изолировалась.

Вполне об'яснимо то психологическое требование, которое толкнуло нас на декларацию об об'единенной Армении.

Понятны и те политические соображения, какими мы руководствовались и кои оправдывали декларацию. Факт лишь, что эта декларация не привела ни к каким положительным результатам; отрицательные же результаты она имела (внутренние разногласия и споры).

24. 1-го августа 1919 года открылся парламент Армении, который заменил собой совещание. Парламентские выборы были произведены по самой широкой демократической системе (всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, пропорциональное представительство). Странное и удручающее впечатление производило то, что в составе демократического учреждения из 80 членов—72 члена, т. е. 90% были дашнаки, из прочих политических партий были представлены лишь эсеры, которые заняли всего 4 места. Мы, дашнаки, были ослеплены этой победой, не понимали,

что парламент с таким составом скорее напоминает пародию на парламент. Мы не понимали, что выборы блестяще доказали, что наш народ не созрел для самостоятельной политической жизни. Мы не сознавали, что наша парламентская победа скорее поражение, нежели победа, что сажая в парламенте 72 человека,мы теряли почву под ногами, основу демократии.

Мы не понимали, что целиком беря власть в свои руки, мы целиком принимали на себя и ответственность. Между тем, как у нас не было соответствующей подготовки и работников. Мы не понимали, что для нашего же воспитания необходимо, чтоб была сильная оппозиция, которая призывала бы нас к порядку и не разрешала бы выходить за пределы законности. Мы также не понимали, что перенося наши заседания в парламентский зал, мы тем самым переставали существовать как партия.

Парламента в Армении не было. Была лишь пустая форма без содержания.

Государственныя вопросы обсуждались и разрешались при закрытых дверях, в комнате дашнакской фракции, а затем об'являлись с парламентской трибуны. В действительности же не было и парламентской фракции, потому что она была поставлена под сильный контроль Бюро Дашнакцутюн и была обязана исполнять его директивы. Не было и правительства; оно также подчинялось Бюро, являлось как бы исполнительным комитетом Бюро в государстве. Это была большевистская система. Но то, что большевики делают последовательно и открыто, мы старались прикрыть демократической формой.

25. В первых числах мая 1920 г. имели место большевистские демонстрации и попытки к восстанию.

Движение было подавлено без больших затруднений, т. к. оно не имело опоры: для нашей страны большевизм являлся диковиной, а извне содействия не было.

Тем не менее весьма характерно, что несколько десятков юношей—большевиков сумели сорганизовать шумные демонстрации (даже в Эривани, под носом правительства) вести пропаганду в войсках, захватить железнодорожную станцию в Александрополе, захватить бронепоезд.

Это показывает, насколько правительство было беспечным, слабым и неосведомленным.

26. В результате этих событий или в связи с ними произошло своего рода coup d'Etat. На смену парламент-

скому правительству пришло Бюро Дашнакцутюн с диктаторскими полномочиями (так называемое „Бюро—правительство").

Все законные формальности были соблюдены и все действие было инсценировано в рамках парламентских порядков. 5-го мая парламент (конечно. по директиве Бюро) принял отставку премьера А. Хатисова (которая представлялась по требованию Бюро) и составление нового кабинета возложил (по директиве Бюро) на доктора А. Оганджаняна. Оганджанян на том же заседании представил новый готовый список министров. В этот список входили все члены бюро Дашнакцутюн, без посторонних. Парламент список одобрил, а затем на время об'явил перерыв заседаний и до восстановления своих занятий все свои права уступил новому правительству.

Парламент Армении (т. е. дашнакская фракция, т. е. само Бюро) давал бюро Дашнакцутюн диктаторскую власть.

Это противоречило резкому постановлению IX-го с'езда партии Дашнакцутюн.

Бесспорным было одно—таким образом устранялось 2½ устранялась некрасивая закулисная работа, положение выяснилось, принимало свой настоящий вид. Предпочтительнее когда партия управляет страной открыто, чем когда она тоже самое делает за кулисами.

27. В начале осени разыгралась армяно-турецкая война, которая окончательно сломила нас.

Могли ли мы избегнуть этой войны? Вероятнее всего, что нет.

Разгромленная в 1918 году Турция в течение двух лет пользовалась передышкой. За эти два года турки ожили. Появились новые, молодые, патриотически настроенные военные, которые в Анатолии начали восстанавливать свою армию. В Турции пробудилось национальное самосознание и инстинкт самозащиты. Севрскому договору они должны были противопоставить военную силу, чтобы обеспечить свое будущее хотя-бы в Малой Азии. Ясно, что это противодействие должно было проявиться не столько на северо-востоке, сколько на юго-западе.

Но чтобы сконцентрировать там свои силы и сохранить фронт против греков, предварительно им нужно было обеспечить свой тыл со стороны Армении. Возможно, что они нуждались в тех военных припасах, которых было достаточно в Карсских и Александропольских складах. А

может быть им необходимо было предварительно испробовать свои силы в борьбе со слабым противником, чтобы приобрести уверенность в более серьезном начинании. Никто не может определенно утверждать, были ли у турок эти настроения и намерения. Но вероятнее всего что война была неизбежна (так как она была нужна Турции). Несмотря на эти предположения, одно остается неоспоримым, кричащим:—мы не сделали всего, что обязаны были сделать для того, чтобы избегнуть войны. Независимо от результатов, мы должны были всемерно стараться найти общий язык с турками.

Вот этого мы не сделали.

Мы не сделали этого по ясным и столь же непростительным причинам—мы не были осведомлены в том, какие силы у Турции и были весьма уверены в своих силах. В этом и основная ошибка. Не боялись войны, так как были в полной уверенности что победим. Мы не имели сведений, какие силы сосредоточены турками на нашей границе и поэтому не проявляли необходимой осторожности. Наоборот, неожиданное занятие Олты явилось вызовом Турции. Казалось, что мы сами желаем воевать.

Когда на границе военные действия были уже начаты, турки предложили повидаться с нами и начать переговоры. Мы отвергли их предложение. Это было большим преступлением. Не в том смысле, что была уверенность, что переговоры увенчатся успехом, а потому, что не была исключена возможность найти мирный исход. Во всяком случае у нас были определенные шансы, что удастся туркам кое-что раз‘яснить.

Надо помнить и учесть, что осенью 1920 года мы в глазах турок не являлись quantité negligeable (смешной величиной). Ужасы предыдущих двух лет уже забывались. Народ несколько отдохнул, ожил. Мы имели армию, которая была хорошо вооружена английским оружием и хорошо одета. Имели в достаточном количестве военные припасы. В наших руках была такая важная крепость, как Карсская. Наконец, был Севрский договор, который был тогда не простым клочком бумаги, а большим козырем против турок.

Положение наше было не то, что было в Батуме в мае 1918 года. Мы могли надеяться, что слово наше будет выслушано, тем более, что сами турки все еще находились в положении побежденного.

Этой попытки мы не сделали.

Что должны были предложить турки, если-б мы приняли их приглашение на переговоры. Вероятно начали бы с Батума и Бреста, а затем постепенно делая уступки дошли бы до границ 1914 года. Возможно пошли бы еще на один шаг назад и отказались бы от Баязета и Алашкерта.

Навряд ли они проявили бы больше уступчивости даже в сентябре 1920 года. Взамен они потребовали бы, чтоб армянское правительство отказалась от прав, предусмотренных Севрским договором.

Как-бы отнеслось к такому предложению армянское правительство?

Несомнено отказалось бы. Оно бы не приняло, не осмелилось бы принять эти условия и предпочло бы войну.

Так бы поступило не только дашнакское бюро—правительство, но и любое армянское правительство. Я подчеркиваю это обстоятельство, так как оно значительно смягчает преступление, совершенное нашей партией. Правительство не осмелилось бы принять эти условия, потому что все политические партии и группировки, все национальные дипломаты, призванные и непризванные спасители родины,—все как один человек восстали бы, предали бы анафеме, об'явили бы изменническим такое правительство. Все были ослеплены Севрским договором.

Сегодня мы понимаем, что многое бы выиграли, если-бы осенью 1920 года пришли к непосредственному соглашению с турками ценою Севрского договора. Тогда мы этого не понимали.

Все изложенное—лишь предположения, которые характеризуют наше тогдашнее мышление.

Война же стала фактом.

Факт, непростительный факт, что мы ничего не сделали, чтоб избегнуть войны, наоборот, сами дали повод к войне. Непростительность в том, что не были осведомлены о военных силах Турции и не знали своей собственной армии.

28. Война закончилась полным нашим поражением. Наша сытая, хорошо вооруженная и одетая армия не воевала. Войска постоянно отступали, бросали оружие и рассеивались по селам.

Армия была деморализована во внутренних боях, благодаря бесцельным разорениям, и безнаказанным грабежам.

Дружинная система (речь идет об организации отдельных дружин), которая поощрялась бюро-правительством, разрушила единство и цельность армии. Воспитание армии, военный дух, твердость организации и дисциплина, а значит и сила сопротивления, были крайне ослаблены. Правительство и его военный министр не знали своей армии.

Ко всему этому правительство допустило одну роковую ошибку: с целью увеличить численность войск, призывало все новых и новых, брало под оружие пожилых, усталых, обремененных семейными и экономическим заботами, спешно вооружало их и посылало на фронт. Эти люди были готовыми дезертирами, которые усиливали деморализацию в рядах солдат.

29. Во второй половине ноября, когда Кара-Бекир-паша с победоносными войсками дошел до Александрополя, бюро-правительство представило парламенту свою отставку. Оно не могло больше оставаться у власти после поражения. Необходимо было приступить к переговорам с Турцией, а для этого требовались новые люди. После недолгих колебаний (в начале проэктировался иной состав кабинета) образовалось правительство С. Врацяна из дашнаков и эсеров. Дашнакские министры принадлежали к „левому крылу“ Дашнакцутюн. Сам премьер придерживался русской ориентации и эсеры имели личные связи в армянских большевистских сферах.

Была далекая надежда, что в случае появления большевиков (неизбежность этого начинали сознавать), правительству такого состава удастся найти общий язык с ними.

30. Турки были уже в Александрополе.

Одновременно армянские большевики с русскими красными войсками со стороны Акстафы вошли в Иджеван и Делижан.

Было-ли какое-нибудь соглашение между большевиками и турками?

В наших рядах это убеждение весьма распространено. Но я полагаю, это ошибка. Во всяком случае доказательств пока нет. Возможно, что большевистские агенты (или большевистски настроенные отдельные личности) способствовали развалу нашей армии.

Для этого не нужно было никакого соглашения с турками. Помимо этого для ускорения нашего поражения не требовалось вмешательства большевиков. Достаточны были

Шорагяльские дядюшки, которые имели лишь одно желание, —поскорей вернуться домой, чтоб скосить и собрать свой хлеб, а в случае наступления турок, поскорей вывести свои семьи и скот в безопасные места.

Не в предательстве большевиков и не в силе турок заключалась причина нашего поражения; она заключалась в нашем собственном бессилии. Несомненно, большевики воспользовались нашим поражением, это вполне естественно. Для этого не требовалось, чтоб было заключено с турками предварительное соглашение.

Не трудно было понять, что большевики, одержав победу в России и укрепившись в Азербайджане, должны были войти в Грузию и Армению. Вопрос заключался лишь во времени. Надо было выбрать благоприятный час, чтоб не пришлось приложить больших усилий. Час Армении пробил, и большевики в декабре сделали то, что им не удалось в мае.

31. 1-го декабря (или 30 ноября) в Александрополе наша делегация подписала соглашение с турками, которое многим не отличалось от жестокого Батумского договора.

В тот же день правительство Врацяна отказалось от власти и вручило ее большевикам.

Большевики вступили в Армению, не встретив никакого сопротивления. Такое постановление было вынесено нашей партией.

Вынося такое постановление, мы руководствовались двумя соображениями: первое—даже при желании, мы не могли бы сопротивляться, мы были поражены и обессилены; второе—надеялись что Совласть, опершись на Россию, сумеет несколько урегулировать государственную жизнь. Эту работу мы не сумели выполнить и не сумели бы и в в дальнейшем.

Мы желали, чтоб большевики беспрепятственно управляли страной, остаться лойяльными по отношению к новой власти и содействовать ее созидательной работе.

Это решение было не единогласное.

Были непримиримые, которые от большевиков не ожидали ничего хорошего, требовали сопротивления и борьбы, будучи в полной уверенности, что потерпим поражение. Таких было немного. Когда это предложение было отклонено, более последовательные покинули страну.

Были и такие, которые желали приблизить партию к большевикам и заключить с ними политический блок.

Они отделились, появились под названием „левых дашнаков“ и выпустили декларацию в большевистском духе. Однако. успеха не имели. Большевики усумнились в искренности этих деклараций.

32. До февральского восстания 2½ месяца страной правили большевики. Надежды оптимистов не оправдались. Та политическая и материальная помощь, которая ожидалась от России, не была оказана. Установился режим, который иначе назвать нельзя, как режим произвола и необузданного насилия.

Всякая диктатура, по существу, есть насилие и иной быть не может. Всякое революционное правительство в процессе борьбы вынуждено прибегать к решительным и чрезвычайным мерам,—это также неизбежная необходимость, которая вытекает из положения вещей. Но насилие большевиков и применяемые в Армении жестокости имели специфический характер,—заключался он в том, что эти насилия были бесцельны и излишни.

Если-бы большевики в первый период проявили немного политического такта (в том размере, в каком они его проявили впоследствии), их положение в Армении было бы целиком гарантировано. Противоположных течений и сил в стране не было. Однако большевики этого не поняли, искали контр-революцию там, где ее не было, и сами вооружали народ против себя.

Февральское восстание —целиком дело самих большевиков, естественный результат их насилий, их произвола и бесконечных конфискаций, кои разрушали последние остатки народного хозяйства, лишали и без того голодных людей последнего куска хлеба.

Дашнакцутюн не только не организовал, не только не желал, но даже противился восстанию.

Знаю, что накануне восстания несколько непримиримых дашнаков в некоторых селах (в частности в Котайке) некоторые касательство к подготовительной работе имели. Но это не являлось работой партии, а лишь отдельных партийцев. Лишь после того как восстание вспыхнуло, партия выступила. И в этот раз она увлеклась массовым течением и стала во главе движения, автором которого была не она.

33. Восстание выдворило большевиков из центра Армении в окраинные уезды—в Шарур и Казах. Тотчас же

образовался „Комитет спасения Армении“, который взял в свои руки власть и повел борьбу.

Гражданская война длилась 1½ месяца.

В наших рядах распространено убеждение, что восставший народ боролся хорошо и если успеха не имел и потерпел поражение, то это следует об'яснить преобладанием большевистских сил. Я другого мнения. Боролись хорошо, действительно проявили геройство, но только большевики, а наши боролись плохо. Если-бы наши боролись хорошо, в первую же неделю разбили бы противника на Камарлинском и Еленовском фронтах (антибольшевистская Грузия еще держалась, извне большевики помощи пока не имели, а своих сил у них было очень мало). Боролись скверно не потому, что не хотели бороться (если-б не хотели, не восстали бы и не было бы того всеобщего воодушевления, очевидцами которого мы были в Эривани в первые дни восстания), а лишь потому, что не надеялись на свои силы, не верили в успех.

Восстание явилось стихийным, бессознательным движением. Вспыхнуло неожиданно, на минуту проявилось большое воодушевление, но сейчас же пало. Не говорю, что если-б повстанцы боролись хорошо, то советская власть была бы низвергнута, нет, поражение было неизбежно (в особенности после падения Грузии). Мы могли бы вырезать всех большевиков в Армении (это было не трудно, если-б восстание было бы несколько организованно). Но там была Россия со своей Красной Армией. Не армянскому крестьянину и не партии Дашнакцутюн сопротивляться ей. Хочу лишь сказать, что восстание было заранее обречено на неудачу, так как не было уверенности в победе.

34. 2-го апреля, когда большевики достигли Канакира и заняли Эриванские посты, мы очистили Эривань и через Баш-Гарни двинулись в Даралагез.

Вместе с повстанцами и партийцами шла огромная толпа, которая не давала себе отчета, куда она идет и зачем.

Неизбежное поражение стало фактом. То, что имело место в последующие два—три месяца в Даралагезе и Зангезуре, уже было не борьбой, а лишь агонией.

После падения Эривани решен был вопрос о советизации Нагорной Армении. Наше присутствие возможно даже ускорило ход событий.

Мы думали, что перейдя в Нагорную Армению, усилим местных и подымем их сопротивляемость. Не учли, что пораженные и ставшие на путь отступления дружины и, в особенности, устрашенная толпа могут вызвать лишь деморализацию и отчаяние.

Местные жители косо посмотрели на нас и проявили негостеприимство. Лучше бы мы совсем не показывались. Тем более, что ели их последний хлеб.

Невольно нами было внесено смятение в их жизнь. Возник глухой антагонизм между местными и прибывшим властями.

Военная сила таяла с каждым днем. Часть прибывших солдат, голодных и недовольных местными жителями, думала о возврате домой. Группы из турецких армян (вооруженные и без оружия) стремились днем раньше попасть на берег Аракса, а оттуда в Персию. Местные жители, видя развал армии, господствующее безвластье, сомневались в своих силах.

В конце лета очистили Зангезур, последнюю ставку демократической республики.

Армения целиком советизировалась.

35. В чем заключалась наша дипломатическая работа во внешнем мире (в Польше, Европе и Америке) в период независимости и какие результаты она дала.

Весной 1919 года в Париже Республиканская делегация, вместе с национальной, представили союзным великим державам меморандум, который заключал наши требования на мирной конференции.

По этому меморандуму в состав армянского государства должны были войти:

а) Закавказская республика с расширенными границами (вся Эриванская губерния. Карская область без северной части Ардагана, южная половина Тифлисской губернии, юго-западная часть Елизаветпольской губернии),

б) Семь вилайетов Турецкой Армении (Ван, Багеш, Диарбекир, Харберд, Себастиа, Карин, Трапезунд, без южного района Диарбекира и западной части Себастиа).

в) Четыре санджака Киликии (Мараш, Сис, Джелал-Берекет, Адана с Александреттой).

Проэктировалось и требовалось обширное государство, Великая Армения с Черного моря до Средиземного, с Карабахских гор до Аравийских пустынь.

Как можно были осуществить это империалистическое требование?

Ни армянское правительство, ни руководящая партия Дашнакцутюн и в мыслях не имели такого абсурдного проэкта. Наоборот, наша делегация, как директиву, повезла из Эривани весьма скромные требования соответственно нашим скромным силам.

Как же случилось, что делегация выставила требование „от моря до моря“?

Это странно и невероятно, но армянский Париж выдвинул эту требование, а наша делегация поддалась господствующему в колониях настроению,—явление, весьма знакомое нам.

Было сказано делегации, что если она не выставит этих требований, турецкие армяне (в лице национальной делегации) отделят свой вопрос от вопроса «Араратской» республики и независимо от нас обратятся к державам. Помимо этого указывалось, что Америка не примет мандата на маленькую Армению, а на Армению „от моря до моря“ примет.

Так как для защиты нашего вопроса перед держававами были бы опасно выступать сепаратно двум отдельным органам, с различными требованиями, противоречащими друг другу, и ввиду того, что все мы желали мандата Америки, делегация вынуждена была, вопреки полученным директивам, дать свое согласие и подписать меморандум.

Я не обвиняю нашу делегацию, я не хочу сказать, что будь наши требования умереннее, результаты были бы иные. Так, при разрешении самых основных, самых ответственных и насущных вопросов, мы не проявляли своей собственной воли, не вели дел согласно нашему пониманию, не шли своим собственным путем, а предоставляли другим тащить нас за собой.

Парижский меморандум воодушевил незрелые головы, особенно в колониях. Как будто достаточно было начертить на бумаге границы государства, чтоб иметь его.

Бесцельные и преувеличенные требования естественно должны были смениться горьким разочарованием.

Севрский договор, который не упоминал о Киликии, о Харберде и Свазе (не предвидел такие широкие границы, которые были выше наших сил), вызвал разочарование и обычные жалобы. Мы говорили, что державы оказались несправедливыми, не оценили и не вознаградили нас по заслугам, сократили наши беспорные права. Немного спустя —новые и еще большие разочарования. Сенат Северо-

Американских Соединенных штатов отказался принять мандат над Арменией, тот мандат, на который мы возлагали столько надежд.

Проектированные президентом Вильсоном границы Армении нас также не удовлетворили. Мы говорили, что президент Вильсон мог бы полнее использовать Севрский договор и больше земель нам предоставить.

Но эти узкие границы оказались для нас «синей птицей,» неосязаемой и недостижимой.

Турки не хотели признавать ни решения Вильсона, ни наши жалобы и ни Севрский договор. Вместо того, чтоб очистить армянские земли, они энергично вооружались и укрепляли свои позиции. А союзники не проявляли никакого намерения силою оружия призвать к порядку непокорную Ангору. Наоборот, начали с нею флиртовать. Они, казалось, забыли что мы остались неудовлетворенным и устраивали свои дела.

(Часто говорю „мы“, „наш“, не определяя точно эти местоимения, так как во многих случаях не отличаю партию от народных масс. Та же самая психология, та же недальновидность, та же политическая ограниченность).

В 1922 году началась агония вопроса турецких армян.

На Лозанской конференции впервые оффициально был произнесено и запротоколировано слово „home“*. О Севрском договоре совершенно было забыто. Ни слова о независимой Армении, не говорили даже об автономных областях, речь шла лишь о каком-то национальном home, о подозрительном очаге в чужом доме.

Говорили, что это последняя уступка, которая делалась во имя мира упрямствующей Ангоре.

Требование home должно быть обязательным для Турции и сам home должен быть независим от турецкой власти.

Так стоял вопрос в марте месяце.

В конце года, в Лозанне, дело приняло несколько иное направление. Home не предлагался как требование, а представлялся благосклонному вниманию турок как дружественный совет и просьба.

Произошел опереточный диалог. Турки, всегда вежливые и любезные, весьма сожалели, что должны отклонить дружественный совет и, больше того, вынуждены не

*) home—по английски очаг

уважить просьбы. Союзные державы сделали лишь жест отчаяния. Мы исчерпали все средства, говорили они, сделали все возможное и невозможное, больше ничего сделать для бедных армян не можем. И перешли... к вопросу о купонах.

Но тут выступил тов. Чичерин и от имени Советской России великодушно предложил приют остаткам турецких армян в Крыму, на берегах Волги и в Сибири.

Государство превратилось в home. Home превратился в колонии... в Сибири. Гора родила мышь,—нет, гора, вспаханная несказанными страданиями, содрогнулась, разбилась на клочки, выпустила из чрева потоки крови и ничего, даже мыши не родила.

Это в прошлом. Если дать общую оценку проделанной нами, после об'явления республики, тяжелой работы и полученных результатов, то надо сказать, что мы можем похвастаться очень немногим, и тяжесть, которую мы взвалили на плечи,—организовать государство и управлять государственными делами—была для нас непосильной.

Неоспоримая истина, что положение Армении было исключительно тяжелое и условия нашей работы исключительно неблагоприятные. Но неоспоримо и то—по крайней мере для меня—что ко всему этому прибавилось и наше собственное бессилие, некомпетентность в управлении государством.

Если справедливо, что управлять – значит предвидеть, то уж мы то были никудышными правителями, не имея вовсе способности предвидеть.

Наша главнейшая слабость заключалась в этом.

Далее, без определенного и ясного понимания нашей деятельности, мы не имели руководящего начала и постоянной последовательной системы. Мы действовали, будто нечаянно, под влиянием случайных обстоятельств, колебались, ударялись об стенки, полуслепо ощупывая почву под ногами.

Не знали, и часто переоценивали размеры наших возможностей, не понимали размеров препятствий, презирали противные силы и до легкомыслия беспечно относились к угрожавшим опасностям.

Были решительными там, где требовалась величайшая осторожность и нерешительны там, где требовалась решимость.

Не могли отличить государство от партии и идеологию партии ввели в государственную жизнь.

Мы не были государственными людьми.

В менее неблагоприятных условиях, быть может, смогли бы, ошибаясь и спотыкаясь, найти наконец путь, найти твердую почву под ногами и постепенно созидать государственное здание. Но при тех ужасных условиях нужны были люди, способные—без всякой опоры, предоставленные самим себе—проделать геркулесовую работу.

Пусть эти слова никого не обидят. Это не злорадство недоброжелателя, а только простая самокритика.

Ведь. в первых рядах бессильных, вместе с вами и бок-о-бок с вами был и я; я был вашим соратником, наравне с вами ответственным в нашем поражении.

Сказал: ответственным... Не имею мужества прибавить, что мы не всегда сознавали ту ответственность, которую взяли на себя, также, как не всегда и не в должной мере были добросовестны к нашим обязанностям. Не имею мужества, ибо боюсь, что буду несправедливым. Но-кто знает—быть может найдется человек более беспристрастный, чем я. и вполне справедливо скажет и это.

Что же в настоящем?

Между Араксом и Севаном сегодня мы имеем маленькую республику, самостоятельную по имени, а фактически автономную окраинную область возобновляющейся Российской Империи.

Нет Турецкой Армении—ни как государства, ни как home, ни как международного дипломатического вопроса, —вопрос закрыт и похоронен в Лозанне.

Скажу больше—в Турецкой Армении больше нет армян и нет вероятности, что будут; турки крепко закрыли двери, и нет, не видно силы, могущей заставить их открыть.

Около миллиона армян находятся вне республики в Грузии, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Персии, Сирии, Константинополе, на Балканах и даже во всех странах света.

Только ничтожная часть зарубежных армян может найти приют в Республике Армении. Независимо от временных трудностей, слишком узкие границы республики не позволяют компактной реэмиграции (речь идет о реэмиграции уцелевших крестьян армянских вилайетов). С другой стороны не меньшим препятствием является также социальная физиономия армян, находящихся вне пределов Закавказья—мелкая буржуазия, экономически свя-

занная с торговыми центрами и не могущая найти пропитание в разоренной, крестьянской стране.

Зарубежные армяне в целом не представляют государственного элемента для сегодняшней Армении. И чем дальше продлится нынешнее положение, тем больше они должны отчуждаться.

Как *национальный* элемент армяне колоний быть может еще будут иметь некоторую ценность (и это зависит от того,—насколько мы будем способны сохранить национальную связь и поднять сознательность в колониях), но в качестве государственного элемента остается армянство в Армении и те крупные частицы нации—преимущественно крестьянство—находящиеся в соседних республиках Грузии и Азербайджана. На них должна опереться и для них должно утвердиться армянское государство.

Армянство колоний—в наилучшем случае—остается как содействующая сила (и то в скромных размерах), и в некотором роде запас, для неопределенного будущего.

Сегодня непосредственным предметом забот армянской политической мысли должна стать существующая республика, армянский народ, живущий внутри и около нее.

Со всей силой подчеркиваю это предложение и представляю его особому вашему вниманию, так как это должно служить исходной точкой нашей будущей деятельности.

Какую позицию займет наша партия против этой республики, ее режима и правительства?

Республика не самостоятельна: она составляет часть федерации Закавказья и даже России. Фактически Армения— это автономная губерния, под наблюдением и командованием Москвы.

Может ли это положение удовлетворить нашу партию? Это ли наш политический идеал?

Конечно, нет.

Выше я упомянул, что весной 1918 года А. Р. П. Дашнакцутюн невольно голосовала за отделение от России; мы были против отделения, боялись отделения, хотели быть связанными с Россией. Но это не значит, что мы не стремились к самостоятельности, что положение вассала было нашим идеалом.

А. Р. П. Дашнакцутюн, во моему глубокому убеждению, всегда была и всегда оставалась—сознательно или бессознательно—борцом политического освобождения армян.

Сущность, смысл существования, историческое призвание, сила и ценность нашей партии—в этом и только в этом. Не было и нет ни одного настоящего дашнакцакана—каким бы духом не был он одержим,—который бы не был воодушевлен идеей независимости, вернее, инстинктом независимости. И в таком смысле пределы нашей партии гораздо шире, число партийцев гораздо больше, чем зарегистрировано в комитетских тетрадях.

Эту мысль я пространно развивал прошлой весной в „Чакатамарте" и не считаю себя вправе повторить здесь. Хочу сказать только, что нынешняя политическая участь Армении—не может быть идеалом А. Р. П. Дашнакцутюн.

Безусловно мы являлись (и сегодня являемся) горячими сторонниками федерации и знаем, что маленькое как Армения, государство иначе не может обеспечить свое существование. Но мы хотим такую федерацию, в которую союзные государства входят по свободной воле и с равными правами. Нынешняя Российская федерация организована не так.

Армянская республика—советская. Советская система теоретически предполагает диктатуру классовую, но в действительности—сегодняшняя власть в Армении—диктатура коммунистической партии.

Может ли нас удовлетворить власть такого порядка?

Конечно, нет.

Правда, мы сами сделали подобную неудачную попытку учредить свою собственную диктатуру, но диктатура (ни партийная, ни классовая)—не религия для нас. Неопытные в государственной жизни и в административной работе, отравленные ядом власти, мы не могли противиться соблазну и споткнулись. Но мы уже чувствовали свою ошибку, искали путей отступления и если бы замедлили, то неминуемо пали-бы, потому, что не только „религия" нашей партии, но и состав нации не благоприятствовал какой бы не было диктатуре. В Армении нет ни одного класса или прослойки, ни одной партии и группы, которая могла-бы своими силами, опираясь на самое себя—учредить диктатуру. В нашей стране может осуществить диктатуру только внешняя, чуждая сила. Наша страна как будто создана для демократических порядков; не достает только одного—политического воспитания и навыка к государственной жизни.

Этот большой пробел затрудняет учреждение настоящих демократических порядков, но не может стать опорой внутренней диктатуры.

В Советском Союзе, значит и в республике Армении восстанавливается социально-экономическая жизнь (или делается попытка к восстановлению) на коммунистических началах.

Считаем—ли мы необходимым и полезным такую политику для Армении?

Нет, не считаем.

И это совершенно независимо от того, насколько осознан и переварен социализм, проповедуемый нашей партией, насколько он соответствует настоящему составу партии и ее коллективной идеологии.

Я, который без колебаний пишу это решительное „нет" по своему мировоззрению давнишний и неисправимый коммунист, знаю, что не только коммунистические, но и простые социалистические порядки неприемлемы для сегодняшней Армении.

Армения не созрела для социализма и не имеет минимума тех данных, чтобы оправдать опыт. Всякое усилие в этом направлении заранее обречено на неудачи, и преступно--особенно, по отношению к трудящимся Армении.

И об этом вопросе пространно писал я в прошлом году в том-же „Чакатамарте". Довольствуюсь этими коротенькими строками, будучи уверен, что в этом пункте нет разногласий между нами.

* * *

Итак, ни политическое положение, ни порядок управления, ни внутренняя социально-экономическая политика Советской Армении не могут удовлетворить нас. Мы желаем другого—не сегодняшнюю республику!

Значит какую позицию должны мы занять против этой республики, ее режима и правительства?

Короткий и простой ответ—должны бороться.

Но часто короткие и простые ответы бывают ошибочны, когда речь идет о сложных явлениях и запутанных положениях.

Политические партии не институты, где исследуются и теоретически решаются абстрактные вопросы; призвание политических партий состоит не в развитии теорий (это

только подсобная работа), а *в действии*, и действии в *данных конкретных условиях*.

Но когда вопрос перенесем на эту почву—перенести должны, иначе жестоко ошибемся – ответ уже будет другой.

Борьба предполагает определенную цель, и доступные и полезные средства для ее достижения.

Какие же у нас средства и какую пользу даст их применение?

Если советские порядки признали-бы гражданские свободы, мы—как опозиция—выступили бы в печати и открытых собраниях; критиковали-бы ошибочную политику советов; подготовили бы общественное мнение; собрали бы вокруг себя сочувствующих; организовали бы недовольный и сопротивляющийся элемент.

Если советские порядки признали бы также политическое равноправие,—мы участвовали бы в избирательных кампаниях, постарались бы занять места в советах и проводить желательные нам поправки в законодательстве и формах правления,

Но Советская власть не хочет признать—ни гражданских свобод, ни политического равноправия.

Она является партийной (скажем: классовой) диктатурой. Мы можем очень жалеть об этом, жаловаться, протестовать, гневаться, но... положение не изменится; факт останется фактом: мы не имеем места в Армении—как законная оппозиция.

Говорю в Армении, ибо не представляю себе ценности оппозиции вне Армении.

Конечно, в колониях мы можем говорить и писать сколько захотим и что захотим. Для этого нужна только бумага и типография, или, немного денег и больше ничего Но что может стоить для советской Армении общественное мнение румынских или египетских армянских колоний (предполагается даже, что такое мнение на самом деле удастся создать.)?

Быть может тайно ввозить наше печатное слово в Армению?

В прошлом, при царском режиме мы ввозили в страну „Дрошак" и другие издания, и сегодня, если не ошибаюсь, социалисты-революционеры ввозят свою заграничную литературу в Россию. Не знаю, какие надежды у социалистов-революционеров и насколько им удается тайная про-

паганда Но, учитывая нашу действительность и наши средства, спрашиваю—какое значение будут иметь наши листовочки, читаемые сугубо-тайно несколькими стами человек, против той гигантской литературы, которой большевики наводняют страну? Боюсь, что единственными результатом нашего опыта будет—поставить под угрозу жизнь или свободу этих нескольких сот человек и больше ничего.

А что самое главное и чего у нас нет и не может быть для тайной пропаганды – это определенные, решительные, доступные и способные воодушевить массу лозунги.

Но об этом потом.

Быть может возможно соглашение с большевиками?

Кажется невероятным, но факт, что эту мысль,-или эту наивность мы питали в прошлом и делали опыты организационного сотрудничества с большевиками. Кажется невероятным, т. к. сказать это, это не понимать сущности большевизма. Большевизм самодержавен, монархичен, кто не в нем (или политически не абсолютно нейтрален) —уже против него. Не забудьте также что, в глазах большевиков, мы мелко-буржуазная партия (что по моему не порок; это определение очень недалеко от истины, если принять в расчет не только нашу программу и мировоззрение отдельных руководителей, а действительный состав партии и ее комплектную идеологию). Если для большевиков нетерпимы марксисты—меньшевики, и социалисты—революцонеры, то естественно, что тем более нетерпима А. Р. П. Дашнакцутюн.

Во имя чего и для каких целей должны сотрудничать с нами большевики?

Мы любим уверять и себя и других, что без нашего сотрудничества большевики не смогут управлять Арменией.

На чем мы основываем эту угрозу и почему большевики должны верить, что мы действительно так нужны им?

Уже два года, как мы изгнаны из Армении, или задушены внутри нее. Вставали-ли перед большевиками такие трудности, которые угрожали бы их существованию, если мы им не придем на помощь. Мне неизвестны трудности такого порядка и я склонен думать, что их не было вовсе.

Несомненно, что, как простые граждане—мы представляем некоторую ценность, но какая политическая партия или какое правительство уклонится от своей политичес-

кой линии и станет сотрудничать с противником ради привлечения на свою сторону нескольких сот человек.

Во всяком случае—правы мы, или не правы, от избытка ума или отсутствия его—остается фактом, что большевики не ищут и не принимают нашего сотрудничества.

Делались уже попытки и получался отказ. Пытаться снова—не только бесполезно, но и недостойно.

Бесполезно—потому, что если мы были не нужны большевикам год или два назад, то тем более не нужны им теперь.

Недостойно потому, что есть предел для политической чести партии, которой она не может преступить.

Остается нелегальная, тайная, заговорщическая или—более широкая—революционная работа.

Ведь мы преследовались также царским и султанским правительствами. Неужели мы не можем делать все, что делали в течение десятилетий в турецкой Армении—в Советской Армении?

Конечно ,можем.

Можем устроить гнездо в Персидском Карадаге (как некогда устроили гнездо в Салмасте) и переправлять отсюда людей и оружие по ту сторону Аракса. Можем создать тайные связи и держать вооруженные „хумбы" в горах Суник или Даралагеза, как это было в Сасунских горах и Шатахских ущельях. Можем в нескольких труднодоступных пунктах устроить восстания крестьян, выгнать или уничтожить тамошних коммунистов. Далее, можем поднять большой шум даже в Эривани—занять, на несколько часов хотя бы, какое либо государственное учреждение, как некогда заняли Отоманский Банк, можем взорвать то или другое здание, можем организовать и исполнять персональные убийства, уничтожить несколько большевиков, как уничтожали царских и султанских чиновников, можем взорвать бомбу под ногами Мясникова или Лукашина или кого другого, как в „Елдиз-Кешке" под ногами, Султана Абдул Гамида.

Все это мы можем делать, думаю, что можем делать.

Возникает лишь такой вопрос—во имя чего, какие у нас надежды, цели?

Когда мы шумели в Турции, думали, что этим шумом привлечем внимание великих держав к армянскому вопросу и заставим их быть посредником в нашу пользу. Теперь мы знаем цену такому посредничеству и, мне кажет-

ся, не нуждаемся в повторении этих опытов. Если Европа не смогла и не захотела помочь нам в Турции, то не трудно понять, что еще больше не сможет или не захочет помогать в России. Система террора, как способ обуздать отдельные личности, быть может имела значение по отношению к курдским вождям или царским чиновникам. Но нужно признаться, что большевики сделаны из другого теста. Если будет поставлен вопрос о взаимном терроре, то большевики не отстанут от нас, пожалуй дадут нам несколько очков вперед. Там, где мы сделаем только попытку личного террора, они уже подвергнут террору массу.

Сможем ли мы волнениям дать такой размах, чтоб они вылились в гражданскую войну? Весьма и весьма сомнительно. Но в конце концов и это не исключено. Если серьезно решиться неуклонно работать и не брезгать средствами—авось сможем.

Но для чего?

Можем ли надеяться, что силой оружия мы выгоним большевиков из Армении тогда, когда они держатся в России и когда в нашем тылу имеют союзную большевикам национальную Турцию.

Не думаю, что в наших рядах найдется сегодня хоть один, который был бы до такой степени наивным. Если даже возникнет гражданская война, то она окончится нашим поражением. Большевизм не армянский режим, и не Армения станет местом его гибели (если вообще он должен погибнуть). Армянский большевизм является продолжением и маленькой частицей российского большевизма. Пока в Москве развевается красное знамя, оно неминуемо должно развеваться и в Эривани. В 1918 году мы имели право думать иначе, но сегодня мы этого права не имеем.

Но ведь большевизм имеет непримиримых противников и в России и в других окраинах—хотя бы в соседних с нами Грузии и Азербайджане. Разве не естественно, что мы об‘единимся со всеми недовольными и попытаемся разрушить коммунистическую диктатуру?

Конечно было бы естественно. Но дело в том, что мы этого не должны делать.

Армянский народ так сильно пострадал, так устал и обессилился, что никто не вправе втягивать его в новые испытания, требовать от него новых жертв. Хватит и того, что было. Пусть антибольшевистская Россия, без нас

справится с советами. Нас нет! Армянский народ выстрадал право отдохнуть на минуту и залечить свои глубокие раны. И если кой-кому не понравится наша позиция, кой кто не захочет признать за нами этого права—пусть не понравится.

Пойду еще на шаг вперед, чтобы полностью выразить свою мысль.

Я спрашиваю себя:—если, по какому-то чуду от меня, только и исключительно от меня, зависело бы существование большевиков в Армении, так-что одного движения пальцем было бы бы довольно для мгновенного исчезновения их с нашей страны—сделал-бы я это движение?

И отвечаю без колебаний: нет, не сделал бы и не только не сделал бы, но даже отрезал бы себе палец, чтобы и во сне, случайно или по ошибке не сделать этого весьма опасного движения.

При нынешней политической ситуации—большевики нужны Армении; нет другой силы, заменяющей их—вот настоящая истина.

С первого же дня нашей государственной жизни мы отлично понимали, что такая маленькая, бедная, разоренная и отрезанная от остального мира страна, как Армения, не может стать действительно независимой и самостоятельной; что нужна опора, какая-то внешняя сила, опираясь на которую могла-бы сохранить свое существование хотя бы в первый период, до организации и собирания силы. Такую опору сначала мы искали в дальней Америке, потом в Европе. Результаты известны. Если еще 2—3 года тому назад было позволительно надеяться на что-то, то сегодня надежд такого порядка больше нет, а упрямство было бы преступной наивностью с нашей стороны. Неизвестно, какими еще неожиданностями встретит нас далекое и неизвестное будущее. Но сегодня и видимое будущее вполне ясно. Две действительные силы имеются сегодня и мы должны с ними считаться: эти силы—Россия и Турция. По стечению обстоятельств сегодня наша страна входит в русскую орбиту и более чем достаточно обеспечена от нашествия Турции. Исчезнет гегемония российская, ее неминуемо заменит турко-татарская гегемония. Россия или Турция, большевики или турецкие националисты—другого выбора у нас нет.

И когда мы стоим перед такой альтернативой, мне кажется колебаниям нет места. Конечно, Россия, а не Турция. Конечно, большевики, а не турецкие националисты.

Если бы наш выбор не был бы так ограничен, у нас было бы масса возражений против России вообще и против большевистского режима в частности. Но наше несчастье заключается в географическом положении страны, связывающем нам руки и ноги.

Армения нуждается в большевиках, ибо нуждается в России.

Неизвестно, что будет завтра (думаю, что будет то же, что и сегодня), но сегодня хозяевами России являются большевики.

Сегодня, чтобы иметь защиту и дружбу России, Армения сама должна быть советской. Другого выхода нет —по крайней мере я не вижу.

Так нужно понимать мои приведенные выше слова, что у нас нет лозунгов для тайной антибольшевистской пропаганды в Армении.

Тот-же вопрос, но в другой форме, я ставлю относительно прошлого.

Является ли несчастьем, для нашей страны советизация Армении?

Этот вопрос может казаться неожиданным в устах дашнакцакана; мы давно уже дали свой ответ и этот ответ был не в пользу большевиков, но подумаем еще раз и постараемся не предаваться партийной нетерпимости.

Не хочу повторять, что советский режим ни в коей мере не соответствует требованиям армянской действительности; это положение для меня неоспоримо.

Далее, знаю и хорошо помню деятельность большевиков в Армении—речь идет о тех двух с половиной месяцах (декабрь 1920 г.—февраль 1921 г.), когда я был в Армении. Знаю и помню сколько людей тогда пострадали и во главе пострадавших были дашнаки—я, лично и многие из вас страдали неимоверно и были свирепо преследуемы.

Скажу мимоходом, что мы не должны забывать этого серьезного обстоятельства и быть осторожны в наших выводах: мы, как пострадавшая сторона, естественно, предрасположены видет только плохое и все преувеличивать.

Когда я вспоминаю наше положение в ноябре 1920 г. и после этого задаюсь вопросом: не лучше ли было бы, если бы тогда большевики не заняли Армении, предоставили бы страну своей собственной судьбе под нашей властью? Ответ получается отрицательный: нет, было бы не лучше, было бы хуже.

Еще тогда мы сознавали безысходность нашего положения и только по этой причине широко открыли двери перед большевиками.

Выше я упомянул, что наши надежды не оправдались, ни политической, ни экономической помощи от России мы не получили (речь идет опять о первом периоде). Например, большевики не защитили Армению от Турции и своею подписью ратифицировали Александропольское соглашение, которое мы вынуждены были заключить под угрозой физического уничтожения. Это так.

Но уважали ли бы турки соглашение и под различными предлогами и требованиями, (их не трудно создать) -не пошли ли бы дальше, если-бы большевики не заняли страну, и мы одни остались бы против них? Что могли бы мы сделать против таких намерений? Мы побежденные и обессиленные, потерявшие всякий авторитет, как в стране, так и вне ее.

В конце осени 1920 г. мы, как правительство и как партия, исчерпали все свои силы, очутились в тупике. И если бы большевики опоздали, мы должны были бы призвать их, ибо сами уже были бессильны, а в стране не было другой силы, могущей заменить нас в эти дни.

Посмотрим результаты. Два с половиной года мы управляли страной, приблизительно столько же времени управляют большевики.

Мы вели войны: с Грузией, с Азербайджаном и Турцией. Большевики не воевали. Мы имели беспрерывные, многочисленные стычки: в Ага-Бабе, Зоде, Занги-Базаре, Веди-Базаре, ущелье Милин, Шаруре, Нахичевани, Зангезуре. Большевики не имели внутренних стычек, кроме стычек, связанных с февральским восстанием. Мы постоянно держали страну под оружием в беспрерывных войнах, занимали все рабочие руки на театрах военных действий, в то время, когда имели большую нужду в творческой работе; большевики освободили народ от этого ужасного положения.

В наше время народ уничтожался на войне или погибал с голоду. Мы разорили такие богатые хлебом пункты, какими были Шарур и Веди, такой богатый скотом пункт, как Ага-Баба—разорили, не пользуясь этим богатствами. Урожай 1920 г.—единственный щедрый урожай, ожидавшийся после голодных годов—отдали (вместе с другими богатствами) армии Кязим-Карабекир-Паши. А сегодня слы-

шу, что Армения уже сыта, почти не нуждается в хлебе. И верно: ведь, народ имел время посеять и пожать.

Мы много старались, но не смогли восстановить более или менее регулярное сообщение с внешним миром. Закавказские железные дороги фактически были закрыты для нас. Большевики открыли дороги: через Джульфу сегодня Эривань сообщается с Персией и Азербайджаном, через Баку—с восточной Россией и Закавказскими странами, через Батум—с южной Россией и с Европой.

При нас Армения была погружена в тьму, через полчаса после захода солнца останавливалась всякая работа и движение—ибо не было материалов для освещения. Большевики доставили из Баку керосин и вывели страну из тьмы...

Конечно, это не особенно большое дело, но, ведь, мы-то не смогли сделать и этого небольшого дела.

Большевики были нужны и сегодня так же нужны для Армении.

Но все же большевистская система—всей своей сущностью неприемлема для нас.

Что же делать?

Быть может, воевать извне?

Это имело бы определенную ценность как подсобное дело для усиления войны явной или тайной, ведущейся внутри, а без этого условия—кому или для чего нужна шумиха извне.

Сегодня европейские города полны русскими эмигрантами всех мастей, изгнанными, подобно нам, людьми (начиная от монархистов и кончая эсерами). Они издают многочисленные газеты, пишут книги, организовывают митинги, призывают, протестуют, угрожают и ругают, ругают, ругают большевиков...

Я не знаю другого «дела», которое было бы столь пустым и жалким, как дело этих господ.

Разве этим словесным громом и молнями должны заграничные эмигранты сокрушить силу Советов, взорвать наркомов и обезглавить Чека?

Это не борьба, а безобразная демонстрация бессилия. Воюющий с большевизмом должен ударить изнутри, чтобы удар не скользил впустую. Сидеть же заграницей, и из безопасного, далекого места показывать кулак--это жест, который во всяком случае недостоин А. Р. П. Дашнакцутюн.

Есть среди нас и такие, которые думают, что, оставаясь политически в противном лагере, Дашнакцутюн извне должна содействовать экономическому возрождению Армении.

Как?

Должна организовать разные торговые и промышленные товарищества для импорта в Армению товаров, для экспорта на заграничные рынки тамошнего сырья, для орошения земель, организации в стране мастерских и фабрик и т. д.

Оставляя в стороне вопрос о том,—несколько мы, как партия, компетентны в подобного рода торгово-промышленных или покровительственно-благотворительных делах, а также—насколько желательно наше посредничество с точки зрения успеха дела, я спрашиваю, может ли политическая партия поставить в программу своей деятельности такую работу? Мне думается, что не может, что это не ее дело, это не программа и деятельность для политической парти, а полное самоотрицание.

Если А. Р. П. Дашнакцутюн станет на такой путь. пойдет в этом направлении—она должна будет об‘явить, что потеряла свой raison d'être.

Торговлю нужно предоставить торговцам, промышленность промышленникам, благотворительность—благотворительным учреждениям. Дашнакцутюн должен заниматься другим, если только это другое имеется.

Если только имеется...

Внутри страны, мы как партия, не можем сотрудничать с большевиками в их государственной работе, не можем составить так же законную оппозицию, как-бы мы этого не хотели.

Подпольной, заговорщической деятельностью мы не должны заниматься, мы не должны взрывать Советскую власть, если-б даже была к этому возможность.

Воевать словом извне и вести в колониях антибольшевистскую пропаганду, когда нет настроения или желания воевать внутри, и когда внешние слова не будут услышаны в стране—бесцельное и недостойное занятие.

Содействовать извне экономическому возрождению Армении, организовывать торговые и промышленные товарищества—не дело политической партии.

Что-же делать?

Тут-то я должен произнести то прискорбное слово, которое, как я знаю, вас очень опечалит, но которое, наконец, надо сказать и сказать ясно, без флера прикрас:

А. Р. П. Дашнакцутюн больше нечего делать!

Наша партия сделала уже все, что должна была сделать и исчерпала себя. Новые условия жизни пред'являют новые требования, отвечать этим новым требованиям мы не способны, значит мы должны уступить арену более способным, чем мы.

Есть-ли нужда еще раз упомянуть, в чем заключаются эти новые условия? Вот они:

Нет больше турецкой Армении. Европейские великие державы похоронили наш вопрос. Половина армянского народа истекает кровью и разорена, нуждается в длительном покое. Республика Армения, как автономная область присоединена к Советской России; отделить наше государство от России мы не можем, если бы даже этого пожелали, и не должны желать, если даже смогли бы. Партия побеждена и потеряла авторитет, изгнана из страны, не сможет вернуться обратно, а в колониях ей нечего делать.

Таково сегодняшнее положение.

Партия не может сказать:—раз существую, значит должна создать для себя дело, какое бы оно не было. Логически неправильно построение этого разсуждения, основанного на «раз существую», «значит должен». Предложение нужно составить в обратной форме:—не должна существовать, раз мне нечего делать, и там, где нет партийной работы, там не может быть партии.

Я сказал, что Дашнакцутюн нечего больше делать. Я неправильно выразился. Она имеет еще одно последнее деяние, одну обязанность по отношению к армянскому политическому и своему собственному прошлому: партия должна своим же собственным решением сознательно и окончательно положить конец своему существованию.

Да, я предлагаю самоубийство.

Бывает положение—единственным почетным выходом из которого является самоубийство. Наша партия находится именно в таком положении.

Это мы должны были сделать четырьмя-пятью годами раньше. Когда в июне 1918 г. мы подписали Батумское соглашение, согласно которого появилось на сцене и заняло свое скромное место наряду с другими государст-

вами армянское независимое государство и когда в августе того же года мы открыли армянский парламент, где новорожденное государство получило свое оформление—вот в это именно время мы должны были распустить себя и дать место новым политическим группировкам. Наша историческая миссия была уже закончена. И какой это был бы славный конец нашей четверть-вековой длинной и тяжелой работы, кровавых боев и грандизных жертв.

Но в те дни мы не понимали, что работа партии уже закончена, что история вступает в новый этап и что для этого нового этапа нужны новые перегруппировки сил. Не поняли, не имели мужества понимать.

Если было простительно 4-5 лет тому назад во время революционной горячки не понимать того, что мы должны были делать, то сегодня положение гораздо яснее, а требования жизни гораздо повелительнее. Не понимать сегодняшней действительности значит быть слепым на оба глаза. Если и сегодня мы не проявим решимости—то впереди у нас только развал и бесславная кончина.

Партии живут только делом и в деле. И когда нет дела или таковое заменяется суррогатом—смерть неминуема.

А. Р. П. Дашнакцутюн для спасения своей жизни, для оправдания своего будущего существования, имеет только одно средство—это борьба против большевизма, активная и жестокая борьба внутри страны, борьба всеми родами оружия и всеми возможными средствами, без разбора. Другого дела нет.

Для выполнения этого единственного дела партия прежде всего должна беспощадно очистить свои ряды, выкинуть всех ненадежных, всех зараженных и шатающихся, слабых и уставших, слабоверных и потерявших надежду, ленивых и равнодушных—т. е. девять десятых нынешнего своего состава, может быть и больше. Останется после этого профильтрованный кадр, сильный духом, непоколебимый, верующий слепо, способный на всякие жертвы, бестрашный и не останавливающийся ни перед чем, и этот кадр должен работать сугубо конспиративно. Это, конечно, будет не политическая партия, а только заговорщическая организация—такой, какой была Дашнакцутюн в начальном периоде своего существования.

Только этим путем—и только этим путем—быть может, партия могли бы спасти свое существование, снова жить и держать свое знамя.

Но какой ценой?

Ценою—в случае успеха—риска подвергнуть опасности политический вопрос армян, подвергнуть армянский народ новым испытаниям. И этого не должны бояться избавители партии и перед этой опасностью не должны останавливаться упрямцы.

Как бы мы не были преданы идеологии партии, я не думаю—не хочу думать, что среди нас найдется хотя бы один, который сознательно пожелал спасти партию такой ценой.

Партия не самоцель, и она должна считаться ренегатской, опасной и вредной, есле она забывает эту основную истину. Армения и армянский народ не сырой материял для Дашнакцутюн. Был бы неквалифицированным преступлением, если бы мы позволили себе действовать так, как действовал бы—сознательно или безсознательно —зараженный партийным фанатизмом больной.

А. Р. П. Дашнакцутюн была только инструментом в руках мастера истории. Как только инструмент исполнил свою работу, обносился, или обветшал, или продолжение дела требует нового инструмента—старый выбрасывается вон и должен быть выброшен. Инструмент прошлого может остаться, как предмет уважения и благодарности, любви и обожания. Но его место—в национальном музее.

Для ведения армянского политического вопроса партия Дашнакцутюн отныне не годна, значит, должна удалиться с арены.

Я постоянно говорю об армянском политическом вопросе, постоянно возвращаюсь к этому вопросу по той простой причине, что не могу отделить Дашнакцутюн от этого вопроса. Я мыслю всю сущность нашей партии в этом вопросе. Естественно поэтому, что адресуясь к с‘езду Дашнакцаканов, не могу иметь другой исходной точки для обоснования моих выводов и направления моих мыслей.

Спрашиваю, умрет ли с нами и наше дело—политическое освобождение армян?

Думать так—означает крайнее самомнение—и не только самомнение, но и крайне наивное понимание исторических явлений.

Год тому назад, на страницах „Чакатамарта“ я писал, что смерть А. Р. П. Дашнакцутюн причинит большой

вред армянскому политическому вопросу, но там же, одновременно указывал, что действительные пределы Дашнакцутюн гораздо шире, чем наши партийные организации; что наша партия является только одним из способов выражения борющегося армянства, но не больше; что может даже совершенно исчезнуть, забыться название Дашнакцутюн, но не умрет тот гордый дух, то стремление к свободе, которые родили Дашнакцутюн, и которые являются настоящим дашнакцутюн. Партия, вернее, сегодняшняя организация может развалиться,—но идея и дело будут жить.

Не только не умрут, но приобретут новую жизненную силу.

И только поэтому—для обеспечения вопроса, для обеспечения его развития—я и предлагаю партийное самоубийство.

Нужно понимать, что армяне-большевики—наши наследники, что они должны продолжать и уже продолжают наше дело. Они должны делать и делают это, независимо от того, сознают или не сознают, желают или не желают. Они также, как и мы, временные инструменты в руках великого мастера—истории. Мы свое сделали, завершили определенный круг, продолжение же принадлежит им.

Мы должны быть благодарны большевикам. Свергнув нас, они, если не сказать—спасли, то во всяком случае поставили на более надежные рельсы унаследованное дело. Они пришли нас заменить именно в тот критический момент, когда мы сами изнемогали под тяжестью своего дела.

Дело не умерло.

Правда, что Армения сегодня не самостоятельное государство, а только автономная область Российской Федерации. Но как знать, быть может сегодня, для Армении это наилучшее положение.

Действительность нам показала, что создание независимого государства немедленно же, при существующих неблагоприятных политических условиях, выше сил армянского народа. Нужно среднее положение, политический подготовленный класс для его воспитания и приобретения навыка к государственной жизни; далее, после крупных пертурбаций, резни и разорения, нужен покой, чтобы ему организоваться и собрать силы. Стечением обстоятельств этот период Армения должна провести под большевистским знаменем. Пусть будет так.

Итак, помогать большевикам Дашнакцутюн не может, остается только—не мешать. Это будет ее помощь. Но для того чтобы не мешать, имеется одно только средство—удалиться с арены.

Часто приходится слышать, что для обеспечения нашего вопроса нельзя иметь только одну ориентацию: осторожность требует, чтоб наряду с одной и параллельно с ней,—как запасную силу—иметь также и другую ориентацию. Армяне—большевики проводят русскую линию, пусть проводят, но нужно предвидеть и другие возможности. Пример: русские большевики сегодня составляют единый фронт с турками, но завтра этот искусственный блок может распасться и мы можем быть поставлены перед необходимостью найти общий язык с турками, а также стоящими в тылу их европейцами. Необходимо значит, сохранить связь с завтрашними турками, и если Дашнакцутюн нечего больше делать, то для одного этого она должна сохранить свое существование и нынешнюю антибольшевистскую позицию.

Чтобы не быть многословным, не хочу возражать ни против такой возможности, ни против второй ориентации.

Настаиваю только—и это существенно, что эта роль не для А. Р. П. Дашнакцутюн. Для переговоров с турками Дашнакцутюн более неприемлемый посредник, чем для переговоров с большевиками. Если когда нибудь возникнет необходимость сговориться с турками, на сцену должны выступить другие люди, с другим пониманием, с другой психологией и особенно с другим прошлым (или без прошлого). И здесь Дашнакцутюн может только мешать, но не помогать.

Говорят,—большевистский режим и их господство не вечны. Большевизм может пасть в близком или в более отдаленном будущем, более или менее неожиданно. Нужно иметь какую-то запасную силу, какую-то организацию, которая непосредственно заменит большевиков, возьмет руль в свои руки и не доведет страну до анархии.

Дашнакцутюн должен сохраниться хотя бы для этого дня.

И здесь не хочу спорить: такое положение может создаться, но утверждаю и настаиваю,—не Дашнакцутюн организовать новую власть.

Когда нынешние политические условия резко изменятся, допустимо, что Советская власть, как не родная и

не соответствующая армянской действительности, вынуждена будет уступить свое место другим силам, другим политическим и общественным группировкам; она также должна будет считать и выполненной и законченной свою роль. Но не Дашнакцутюн заменить большевиков.

Новые условия выдвинут новые требования.

Политические (и особенно революционные) партии не могут бесконечно преобразовываться, согласно требованиям каждого дня, они рождаются в определенные периоды, выполняют определенное дело определенными средствами. Партия не может освободиться от своего прошлого, как бы она этого ни пожелала, прошлое всегда будет тяготеть над настоящим и осаждать его: останутся воспоминания, привычка, связи, симпатии и антипатии, которые—даже помимо воли и бессознательно—проявятся и внесут своего рода анархизм в каждодневной работе.

Новое вино нельзя влить в старые меха, ибо и меха разорвутся и вино прольется.

В прошлом А. Р. П. Дашнакцутюн была нужна Армении и армянскому народу. В будущем она больше не понадобится. Другой Дашнакцутюн должен заменить ее—быть может, армянский государственный Дашнакцутюн.

А. Р. П. Дашнакцутюн больше нечего делать ни сегодня, ни в будущем, она должна положить конец своему существованию. Должна сделать это во имя своего прошлого, во имя спасения своего имени и чести.

Оглянемся кругом: разве сегодня мы живем? Разве это—партийная жизнь и работа? Разве не видно, что мы уже вступили в полосу разложения и что причины разложения не случайные и внешние, а внутренние, органические...

Подрастающее поколение, молодежь, больше не с нами, как было 20—25 лет тому назад. В наши ряды не вступают свежие, полные воодушевления и веры силы для замены уставших, потерявших веру и бодрость. Наоборот, бегут от нас, разлагают партию, или—что еще хуже—остаются только как фигуры, инертные, равнодушные, лишенные воодушевления и энергии, неспособные к работе: остаются только те, в сердцах которых холод смерти, а на устах ироническая улыбка.

Мы не желаем видеть действительности и создали для себя привычку давать шаблонное об'яснение явлениям, —говорим: плохие и корыстолюбцы, наемники и трусы оставляют нас, а хорошие искренние, бескорыстные, пре-

данные и сознательные, духом и умом здоровые остаются с нами, как всегда бывало... Разве это об'яснение? Разве такое определение, не похоже на глупое выражение большевиков, что только наемники буржуазии, разбойники, грабители и всякой масти авантюристы составляют Дашнакцутюн.

Это не об'яснение, а слова либо наивного ребенка, либо необузданного демагога.

Наша партия разлагается, потому что потеряла свой raison d'être.

Вот горькая истина! Мы должны иметь мужество признать эту истину и создать соответствующие выводы. Вывод гласит: положить конец нашей жизни.

* * *

Знаю, что настоящая конференция не правомочна вынести подобное решение, но она правомочна дать движение вопросу и найти средства для его разрешения.

С этой целью предлагаю конференции *) . . . . .

. . . .

. . . .

С товарищеским приветом

Ов. Качазнуни.

Бухарест, март 1923 г.

---

*) Следует предложение чисто партийного характера, опубликование которого не считаю своим правом. О. К.

ПРИЛОЖЕНИЕ

По поводу доклада я получил критическое письмо от моего партийного товорища и личного друга, NN, которому ответил обстоятельно.

Счел не лишним представить читателю,—с некоторыми сокращениями, мое ответное письмо так как оно является развитием тех же основных мыслей.

О. К.

* * *

ДОРОГОЙ NN.

Получил твое письмо от 2-го июня.

Утешительно для меня, что ты—как пишешь—не последовал примеру других, и не дал моему докладу толкование ad hominem. Догадываюсь, каковы толкования.

Как знать, может быть толкователи и правы. Ведь это homo sum, et humaní nihil... остальное ты знаешь (не очень полагаюсь на свою латынь).

А сам ты довольствовался тем, что сомневался в состоянии моих умственных способностей.

Быть может и ты прав, (как говорил-бы в подобных случаях Насредин Ходжа) — после пережитого нами, кто из нас поручится, что сохранил непоколебимо свое умственное равновесие.

Но нравственное банкротство или слабость мысли,— это разве аргументы против моих тезисов?

Пишешь, что мой «некролог» составлен «с такой бережностью и с такой логической обоснованностью»... Знаешь, отчего?

Дело в том, что мой доклад не «игрушка от безделья», «взгляд и нечто», что во всем этом об‘емистом писании нет ни одной мысли, которой бы я раз десять не обдумал, ни одного слова, которое бы десять раз не взвесил прежде чем написать.

Согласись, что, как говорил глубокомысленный Полоний насчет Гамлета,—„если это сумашествие, то во всяком случае тут есть какая-то система“....

Не имел ли я права ожидать, что моим «логическим обоснованиям» должны быть противопоставлены также логические или вообще какого-бы то ни было вида обоснования, а не голые гадания насчет моего нравственного и умственного состояния.

Но ты пишешь, что «на конференции никто не попытался подвергнуть оценке» мои взгляды.

Почему?

. . . .

Я немного лучшего мнения о своих товарищах, чем, они обо мне, но думаю, что не особенно далеко буду от истины, если предположу, что члены конференции были всецело во власти партийной узости и ограниченности.

Не считай нескромностью, если скажу, что сам я свободен от подобных слабостей.

Я не партиец (в узком смысле слова) и никогда таковым не был и по этой причине я столько лет оставался обособленным среди партии. Я был простой армянин, армянин-патриот... Вот опозоренное слово, которое было подвержено стольким оскорблениям, стольким насмешкам! Но истина в том, что в этом слове все мое существо. Я люблю армянскую родину и армянский народ,—эту бедную суровую страну и этот темный, грязный, скрытный, самовлюбленный и корыстолюбивый народ. Люблю не за его достоинства, а со всеми его пороками и болячками.

C'est plus fort, que moi—сказал бы француз.

Люблю потому, что себя самого я чувствую неразрывной частью его—плоть от плоти, кровь от крови,—связал свое личное счастье с его коллективным счастьем.

Помнишь наш разговор во время долгого пути?

Ты сказал, что твоя связь с армянским народом, чисто *идейная*, что сознание и долг запрягли тебя сначала в партийную, а потом в государственную работу. А я, наоборот, говорил, что моя связь *органическая*.

Не знаю, насколько правильно ты проанализировал свою душу, но насчет себя, я говорил правду.

Армянин говорит во мне—вот где об'яснения моих мыслей; другого об'яснения не ищите,—ошибетесь. Армянин во мне судит, взвешивает, сравнивает и делает выбор.

Партия для меня имела значение постольку, поскольку она способна вести определенное дело—не больше. Сама по себе партия—никогда не была предметом моего преклонения. Я всегда был того мнения, что суббота для человека—а не человек для субботы,

Конечно, мои слова слишком banal и никто не скажет обратного. Не скажет; а не сделает-ли (бессознательно и невольно)?

Не так-то легко быть свободным от оков партии. Долголетняя партийная жизнь влияет на духовный уклад человека, человек по партийному воспринимает, по партийному подходит и разрешает все вопросы.

Даже больше: партия из простого средства, постепенно превращается в самоцель: вопрос становится в подчиненное, для средства, положение и партийная работа становится для партийца своего рода ремеслом (прости это грубое выражение, другого не нахожу).

Помню мой разговор с покойным Ростомом, много лет тому назад. Было начало персидской революции. Говорили об участии нашем в революции. Я настаивал на том, что в Персии Дашнакцутюн нечего делать и что наше выступление там—простая авантюра...

— Хорошо, прервал меня Ростом,—в России революция подавлена, в Турции—пришли к соглашению с иттихадистами, а в Персии—как говоришь, не должны вмешиваться в борьбу... А что же *нам* делать?

Вопрос в шуточном тоне, со свойственной ему одному приятной улыбкой на лице. Но ты, ведь, понимаешь, что под это шуткой скрывалась глубокая психологическая мысль и что Ростом,—этот превосходный партиец,—в недрах своей души действительно хранил этот беспокойный вопрос.

Лично для меня таковой никогда не существовал, не существует и сегодня. Рим для меня ценнее Кесаря—вернее — Кесарь ценен постольку, поскольку он нужен Риму.

Когда вижу, что при данных условиях Армения и армянский народ нуждаются в большевиках, я говорю: уступим место большевикам, им принадлежит право, ибо только они спасут положение.

Конференция не захотела даже обсудить это предложение.

Почему?

Потому, дорогой NN, что каждый из присутствующих отдельно, тайно и, возможно, несознательно, в глубине души задался вопросом: «А что *мы* будем делать»?...

Это злополучное «мы», по моему, сковало мысль конференции.

И кто такие «мы»,—т. е. они, которые жили, действительно, партийной жизнью в прошлом, и сейчас, действительно, не будут иметь, что делать?....

В конечном счете—несколько десятков, во всяком случае не больше нескольких сот человек.

. . . .

. . . .

Почему я пишу это письмо?

Если мой диагноз правилен, то, значит, никакой призыв, никакое замечание не могут сокрушить непобедимый инстинкт самосохранения. Я не могу убедить тебя, так как не убеждения тут сталкиваются, а нечто более сильное.

И не для убеждения я пишу тебе, а хочу чтобы ты правильно меня понял.

Конечно, можно задать опять вопрос: кому, или для чего нужно, чтобы ты хорошо понимал меня, или, что за беда, если ты дашь докладу ошибочное толкование... В этом случае было бы уместно вспомнить побуждение ad hominem: ту интимно товарищескую, дружескую связь, которая меня связывает с тобой, пред'являют требования к об'яснению. Мое настоящее писание столь же «бесцельно», сколь и твое письмо от 2-го июня: нет цели, есть только душевная потребность...

А может быть еще и другое: написав тебе, я, как бы через твою голову, обращаюсь к многолюдной аудитории, нуждающейся в освещении вопроса.

Перечитываю твое письмо.

Понимаю, что в одном письме ты не мог исчерпать все те вопросы, которых я коснулся в своем обширном докладе; понимаю также, что и то немногое, что ты написал, нельзя было обстоятельно аргументировать.

Но ведь, главное, существенное уже сказано, ты уже выставил против моих тезисов самую сильную аргументацию...

И вот я в недоумении развожу руками: неужели этот человек не видит, насколько зыбки, слабы и неубедительны его аргументы.

Ты не согласен со мной, что А. Р. П. Дашнакцутюн «была создана, как партия для определенной политической цели, а не как партия, стремящаяся к далекому социализму»; не став на мою точку зрения даже спрашиваешь: — какие я имею основания утверждать, что Дашнакцутюн уже закончил свою миссию. Ведь и сегодня нет независимой Армении.

Твой вопрос показывает, что ты не слушал с должным вниманием моего доклада, или я не мог высказаться вполне ясно. Твой вопрос ставил я сам и ответил на него (правда, я свой доклад был вынужден составить кратко, схематично).

Повторю.

Дашнакцутюн исчерпал себя не в том смысле, что уже достиг своих целей, осуществил идеалы, родившие его (идеал, как и математические «пределы» для изменчивых величин, всегда остается впереди; к нему можно приблизиться, но достигнуть—никогда), а в том смысле, что Дашнакцутюн прошел уже определенный путь, вопрос своей жизни дотащил до определенного этапа, дальше которого партия бессильна предводительствовать.

Разреши мне осветить это положение более картинно.

С гор Сасуна и с плоскогорья Варага мы спустились в Араратскую долину; мы прошли такой путь, где могли перепрыгивать только горцы «вршики»; прошли мелкими «гайдукскими хумбами» в тайном вечернем мраке, скрываясь в снегах и под камнями; мытарствовали на этом жестоком пути, подвергли мытарству вместе с нами и армянский народ, но все же шли вперед, сея вокруг себя живительные ферменты свободы.

Истекающие кровью и обессиленные, мы, наконец, спустились в широкую долину, где перед взорами открылись новые горизонты.

Араратская долина—это первый большой этап на нашем длинном пути.

Но здесь мы столкнулись с силами нового порядка и условия борьбы здесь были совершенно другие.

Пеший «вршик», «гайдукские хумбы» и «десятизарядные» наших ребят бессильны там, где работает железная дорога, двигается армия и разговаривают скорострельные орудия. Другая обстановка, другой масштаб — должны стать другими и методы борьбы.

Не думай, что мы, — как партия — можем приноравливаться к новым условиям и легко переменить старые методы. Двух (с половиной) годичный опыт управления государством показал, насколько мы были скованы прошлым и насколько бессильны даже в собственных рядах. 30-ти летняя партийная жизнь наложила на нас свою неизгладимую печать, оставила традиции и навыки, способы мышления и действия, от которых мы не можем избавиться.

Но самое главное, то что мы сегодня имеем дело с Советской Россией. Это наибольшая и решительная сила — против или рядом с нами.

В прошлом мы имели наивность думать, что можем избавиться от русской гегемонии и найти опору на западе. Сегодня предаваться таким надеждам мы больше не имеем права. Единственная наша опора сегодня Советская Россия. Бороться против нее мы не можем и не должны — если бы даже смогли, т. к. она нужна нам — нужна не как социальный или государственный режим (коммунизм или классовая диктатура), а как политическая сила.

Армения должна войти в союз с Советской Россией, другого выхода — нет!

Но ты знаешь, что наша партия не может вступить в союз с большевистской властью, — хотя бы по одной той причине, что большевики не хотят нас признать, а мы не имеем возможности повлиять на них, — чтобы заставить их признать нашу ценность, искать нашей дружбы.

Только армяне-большевики могут войти в союз с Россией, а А. Р. П. Дашнакцутюн не нужна больше Армении.

Вот в этом то смысле наша партия закончила свою миссию, нечего ей больше делать, и она должна положить конец своему существованию.

Тебе кажется смешной фраза, что армяне-большевики — наши наследники (несомненно, что сами большевики еще больше бы смеялись, если бы слышали эту фразу.)

А меня, не скажу, что смешит, но удивляет непонятливость вас обоих, ибо сказанное мною—простая истина.

— Отречемся от дьявола, кричит дашнакцакан, услыша имя большевика.

— Отречемся от дьявола, кричит большевик, услыша имя дашнака.

Напрасные крики, товарищи! Отречься не можете, это вопрос не вашего желания или выбора.

Дашнакцутюн вел армянский вопрос и довел политическое освобождение армянского народа до определенного пункта, отсюда до следующего пункта их должны заменить армяне-большевики.

Таков ход истории.

Пойми меня: обречена на смерть (вернее—уже умерла) только партия Дашнакцутюн, но дело остается живым.

Ты говоришь, что Армения не самостоятельна.

Конечно, не самостоятельна. Но сравним (с точки зрения самостоятельности) сегодняшнее положение вещей с довоенным положением и увидим, какой большой прыжок совершен.

Вспомни, с каким воодушевлением мы приветствовали в начале войны программу учреждения института европейских «контролеров» в вилайетах Турецкой Армении, и как жаждали введения земского самоуправления для Закавказской Армении... но ведь, правительство Мясникова или Лукашина немного больше, чем европейский контроль в вилайетах Турецкой Армении или земские учреждения в Закавказьи.

Другой вопрос, что это—«больше» не соизмеримо с нашими потерями и жертвами. Об этом нам надо было думать в 1914 г., когда мы организовывали добровольческие отряды; еще раньше, когда основывали Дашнакцутюн; еще раньше, когда воодушевлялись повестями Раффи и «свободными песнями» Гамар Катила.

Армения не самостоятельна. Да! Но она сделала большой шаг вперед, и для следующего шага должна укрепить уже занятые позиции.

Это укрепление должно совершиться (и совершается) под знаменем большевизма, вот почему армяне большевики—наши наследники.

Я не знаю армян-большевиков, не имею личного знакомства, издали наблюдать за их работой не имею возможности, не знаю господствующей идеологии, но в тайниках сердца храню упорную веру, что и они—тоже армяне и в такой мере... что коммунизм—(сам по себе—не препятствие), не помешает им чувствовать и мыслить по армянски. Ведь, я сам—убежденный коммунист, исповедую евангелие Крапоткина; но это евангелие не только не за-

прещает мне быть армянином, а, наоборот, дает новые и сильные основания для утверждения моей национальной индивидуальности. Знаю, что мой коммунизм—не государственный коммунизм большевиков и что большевики с удовольствием обезглавливают подобных мне порочных коммунистов. Но это не находится ни в какой связи со степенью их «армянства». Разве менее «русские» люди и русские большевики? Не только не менее, но настоящие русские люди, с русской национальной психологией и преданные русским национальным интересам.

Но допустим, что я ошибаюсь насчет идеологии армян-большевиков, предположим, что для них совершенно чужда политическая самостоятельность армянского народа на родной почве—они тем не менее должны продолжать наше дело, волей неволей укреплять занятую нами позицию, должны содействовать будущим достижениям.

Это они должны делать (и уже делают) даже против своего желания (предположим, что действительно, имеют противоположное желание)...

Хорошо, скажу еще одно слово, чтобы ты окончательно убедился в моем сумасшествии.

Вот это слово: армяне-большевики суть дашнакцаканы, единственные дашнакцаканы сегодня, больше дашнакцаканы, чем я и ты.

Ибо там, где я и ты бессильны, они заменили нас и делают дело нашей жизни.

Армения не самостоятельна...

Но мы разве думали когда-либо, что можем создать действительно независимое государство? Разве не знали, даже на кульминационной точке воодушевления и опьянения, что независимыми не можем быть, что неминуемо должны быть «зависимы» от кого-либо.

Конечно, знали, и, вследствие этого сознания, с первого же дня создания власти искали «мандатора».

Вопрос только в том, в какой степени и от кого зависеть.

Вопрос разрешился в пользу России, и государственная независимость Армении ограничилась строгим, активным наблюдением Москвы. Быть может мы бы предпочли Америку...

Но у истории своя логика, которую мы не в состоянии изменить.

Советская республика—тот максимум самостоятельности, к которому способна Армения в сегодняшних условиях.

И это не малое дело.

Во всяком случае, сегодня настоящее и будущее Армении обеспечено гораздо больше, чем в ноябре 1920 года, когда мы сидели в Эривани и сами управляли государством.

Вспомни этот день!

Вспомни, что в тот страшный час, когда мы исчерпали последние наши силы, большевики выступили на арену, разнесли нас, но стали на защиту страны.

Это—действительность.

Неоспоримо также, что сегодня нет другой силы, которая в Армении могла бы заменить большевиков. Большевики нужны Армении.

. . . .

Насколько я понял, и ты не отрицаешь, эту весьма простую истину; но у тебя есть требования, которые еще не удовлетворены и здесь-то ты противопоставляешь большевикам—А. Р. П. Дашнакцутюн.

Где «обещанная» Армения, спрашиваешь ты? Имеется ли на знамени большевизма это требование?

Не имеется.

Но мы, которые все время повторяем это требование в наших партийных решениях,—какие мы имеем на этот счет перспективы? Серьезно-ли это политическое требование, или это безсодержательная формула для самоутешения? Какое действительное содержание может иметь это требование сегодня—в январе 1923 года,—для уничтоженной Турецкой Армении и для победителя Турции?

Какие это «две» Армении должны быть об'единены? Попытаемся быть хоть немного серьезными—ведь это первая обязанность государственного мужа.

«Вторая» Армения не существует более.

Ужасно это слово; но разве можно изменить содержание тем, что не произносить слова?

При подписании Севрского мира, мы могли еще питать некоторые надежды. Можем-ли сегодня сказать тоже? Кто отберет у турок армянские вилайеты, где больше нет ни одного армянина? Кто должен изгнать оттуда турецкие армии и курдские «аширеты»? Кто должен собрать жалкие остатки турецких армян, разбросанных по

всему свету, вернуть домой, восстановить разоренную страну, дать возможность работы и житья? Кто должен защищать обширные границы и воспретить туркам хлынуть внутрь страны?...

Кто снабдит Армению политической помощью, военной силой и вагонами золота, для выполнения этой серьезной и слишком трудной задачи?

Большевики не ставят вопроса об «об‘единенной»...

Да! А А. Р. П. Дашнакцутюн может ли заполнить этот большевистский пробел? Опираясь на кого, или на что, она должна выполнить эту гигантскую работу? Конечно, на внешнюю силу—ибо внутри сидит турок.

Повторяю, в 1919—1920 г.г., мы еще могли предаваться обманчивым надеждам; но сегодня, когда даже одно жалкое «home» не нашло защиты,—имеем ли право оставаться слепыми и глухими перед действительностью?

Ты говоришь—условия могут измениться и вопрос о расчленении Турции снова может быть поставлен на дипломатический стол.

Для ближайшего будущего такой возможности я не предвижу (и ты тоже). Для более далекого будущего, конечно, и это не невозможно. Но почему не предполагать одновременно, что при изменившихся политических условиях большевики также не изменят свое направление и не потребуют не только «об‘единенную», но даже «от моря до моря» Армению?

Если разложение Оттоманской империи—исторический процесс, ведь, столь же исторический процесс и движение русских к теплым морям?

Не этими предположениями должна руководствоваться политическая партия,—а действительным положением.

А действительность такова, что «об‘единенная Армения» только бессодержательное слово, и больше ничего.

Сегодня можно говорить не о слиянии двух Армений, но только о некотором расширении границ республики—хотя бы до линии 1914 года. И этот вопрос, быть может, удастся разрешить Советской власти, опирающейся на Россию, но ни в коем случае не А. Р. П. Дашнакцутюн, опирающейся...не знаю на кого (быть может, на армянофилов пасторов или на докторов философии).

— — —

Слыхал и знаю следующие возражения: турки боятся России, и коль скоро Армения входит в русскую орбиту, никогда не уступят занятой позиции—например: не

уступят Карс, ибо он нужен им для собственной безопасности. А если Армения оторвется от России (т. е. нынешняя Советская власть уступит свое место другой власти, скажем, нам—дашнакцаканам), Турция будет чувствовать себя более обеспеченной и будет более уступчивой в пограничных спорах и вернет нам не только Карс и Сурмали, а быть может прибавит к ним даже Басен и Алашкерт...

Достойна ли политической партии такая маниловщина?

Что турки боятся России и предвидят в будущем (т. быть может, недалеком) столкновения, всячески стараясь обезопасить свои границы (например, оставить с своих руках Карс)—я в этом не сомневаюсь. Еще больше не сомневаюсь, что оторванная от России Армения никакого страха не внушит Турции.

Но—задаю вопрос—почему турки должны делать территориальные уступки этой безопасной для них Армении?

Когда и какое государство показало такое великодушие по отношению к своему слабому соседу, и какое мы имеем право ожидать от турок этого? Почему, из каких побуждений или под чьей угрозой турки должны вернуть нам Карс? Не более ли вероятно, что когда Турция против себя больше не будет иметь русской армии, она захочет соединиться со своим единомышленником и единоверцем—Азербайджаном через Армению, другими словами стремиться к новым завоеваниям, а не к уступкам...

Вопрос расширения наших границ можно разрешить только опираясь на Россию, ибо только Россия может заставить турок отступить, и это единственный практический способ для завоевания земель; остальное—наивность или самообман. Т. е. если и здесь остается какая-нибудь надежда—опять на большевиков, и А. Р. П. Дашнакцутюн нечего делать.

Говорю на большевиков, потому что речь идет о «сегодня», а не о неизвестном и неопределенном будущем.

А ты, в частности, подчеркиваешь именно это неизвестное и неопределенное будущее и здесь концентрируешь всю тяжесть своей аргументации.

Нынешнее положение может измениться, говоришь ты, Россия может в один прекрасный день оставить Армению и уйти упорядочивать свои собственные дела,—как это было в 1918 году.

Могут снова оставить нас лицом к лицу с турками и снова заставить нас найти с ним общий язык... и вот для этого дня, говоришь ты, и нужна партия Дашнакцутюн.

Когда придет этот день, и придет ли вообще когда-нибудь? Этого не знаем—ни я, ни ты. Знаем только, что этот день—не сегодня.

Спрашиваю тебя: может ли политическая партия сохранить свое существование для неизвестного будущего, когда сегодня ей нечего делать... ведь, сегодняшнее бездействие уже убьет ее; без дела—какое может быть существование?

Потом—кто сказал тебе, что в предвиденном тобою случае А. Р. П. Дашнакцутюн спасет Армению?

Вообрази, что сегодня настал этот день; русских нет, турки являются хозяевами положения, необходимо придти к соглашению с ними, покончить миром. Уверен ли ты, что мы—как партия—компетентные актеры для этой роли.

По каким соображениям в глазах турок мы должны быть желательными и приемлемыми посредниками?

Потому, что были против большевиков?... Но ведь мы были против тогда, когда сами турки были дружны с большевиками, вели с ними общую политику. Мы восстали против турок тогда, когда они подписывали с большевиками мирный договор в Брест-Литовске, и для срыва этого договора мы даже воевали. Ведь мы были против большевиков не потому, что любили турок, а потому, что находились в лагере врагов и большевиков и турок—лагере Антанты. Ведь мы требовали от Турции Армению «от моря—до моря». И Киликию, и Харберт, и Сваз, и Трапезунд! Ведь мы подписали Севрский мир,—мир, который должен был обезглавить Турцию. Ведь мы посылали призывы Европе и Америке ввести свои армии в Турцию и учредить нашу власть в тех провинциях, которые турки считают бесспорно им принадлежащими. И, наконец, ведь мы, в течение всего нашего существования, непрерывно воевали с турками...

Какое доверие мы внушаем туркам? И почему они должны предпочесть нас для переговоров другим посредникам?

Быть может, учитывая нашу силу?

Но турки уже видели эту силу во всем ее блеске тогда, когда мы были у власти в стране—и, я думаю—не имеют особых причин уважать и бояться ее.

Если бы у нас не было других забот, кроме соглашения с турками, то одного этого было бы достаточно, чтобы сказать: Дашнакцутюн должна удалиться с арены. Когда Турция почувствовала потребность порвать с Германией и найти способ соглашения с Антантой—она сама распустила Иттихад.

Естественно задаешь вопрос: большевиков нет, Дашнакцутюн нет—кто же должен говорить с турками?...

Это—другой вопрос, к которому я вернусь. Пока важно установить точно, что во всяком случае, не Дашнакцутюн говорить с турками.

— — —

Сожительство с другими соседями—грузинами и азербайджанцами...

Ты говоришь, что для вопроса о сожительстве, необходимо существование Дашнакцутюн.

Но, дорогой, ты забываешь, что это сожительство между Закавказскими государствами—налицо, и не только мирное сожительство, но даже весьма тесный союз.

Ты скажешь, что все это из страха перед Москвой.

Пусть будет так. Факт, что армяне, татары и грузины — большевики осуществили то, чего мы — дашнакцаканы, муссаватисты и меньшевики осуществить — не могли.

Согласись, что положение в Закавказьи с точки зрения сожительства соседей, сегодня гораздо лучше, чем в наше время. Люди больше не убивают друг друга, не уничтожают города и села, не стоят день и ночь под ружьем, люди свободно сообщаются, переходят границу, торгуют, и быть может садятся вместо для «кейфа»...

Почему мы не смогли создать такого положения? Не хотели, быть может? Не понимали необходимости? И понимали, и хотели, и много трудились—трудились искренно, но успеха не добились.

Почему не добились? И какая гарантия, что в будущем окажемся счастливее, чем были в прошлом.

Есть споры, которых мы, закавказцы, без внешнего посредничества не смогли и сегодня не можем разрешить (вспомни наши заграничные переговоры).

Грузия хочет обеспечить свое привилегированное положение в Закавказьи, стремится восстановить свои «ис-

торические» границы, не хочет отказаться не только от Ахалкалак и Ардагана, но даже от Лори и Бамбака. Азербайджан, естественно стремясь к сближению, к связи с Турцией, по экономическим и стратегическим соображениям не может отказаться от армянского Карабаха, а по национальным — от Шарур-Нахичевани. Армения, самая скромная (потому, что самая слабая) все-же должна обеспечить одно—свое государственное существование. Она не может вместиться в трех с половиной уездах (Эривань, Нор-Баязет, Эчмиадзин и половина Ширака). Если она откажется от Ахалкалаки в пользу Грузии и Нагорного Карабаха в пользу Азербайджана, то во всяком случае должна удержать за собой Шарур и Нахичевань; если в пользу победоносной Турции откажется от Карса, то во всяком случае, не может отказаться от Сурмали и Кагизмана... Далее, Армения не имеет выхода к внешнему миру. С Европой она должна сообщаться через Грузию, значит Грузия должна дать, если не территориальный выход, то хотя-бы серьезно гарантированный транзит.

Но ни Турция, ни Грузия, ни Азербайджан, не соглашаются удовлетворить армян—даже в этих минимальных размерах.

Какая гарантия, что собравшись завтра за зеленым столом, мы—дашнакцаканы, вместе с ангорскими дипломатами, грузинскими меньшевиками и азербайджанцами-муссаватистами, будем более благоразумными, чем были в 1918, 19, 20 г. и по сей день — здесь, заграницей, где возможны только пустые, чисто теоретические разговоры...

Обидно и стыдно, но факт, что мы не созрели для разрешения своих собственных споров, что пока нужна какая-то внешняя сила, внешний авторитет, для обеспечении в Закавказьи национального мира.

Сегодня этой внешней силой является Советская Москва. Выиграем ли мы, армяне, от того, если Москву заменит Ангора?

Я понимаю грузинских меньшевиков, еще больше понимаю азербайджанских муссаватистов, когда они требуют увода из Закавказья Красной Армии. Они понимают, что тогда слово будет принадлежать Турции. Знают, но не боятся—не имеют причин бояться.

Для националистического Азербайджана турецкая гегемония желанная вещь, самая обаятельная перспектива.

Грузия, быть может, отказываясь от Закатал в пользу Азербайджана и от Аджарии—в пользу Турции, но округляя при этом свои границы за счет Армении — сможет сорганизовать сносное государство: упираясь границами в горы и в море, концентрируясь как национальное целое—Грузия может жить и развиваться, не угрожая Турции, следовательно и без серьезных угроз для себя.

А Армения? Можно ли сказать то же самое про Армению, которая ввяжется между Азербайджаном и Турцией, мешает как одной, так и другой и которую с такой легкостью можно стереть с лица земли?

Знаешь ли, что в тот день, когда Красная Армия удалится из Закавказья и мы останемся одни (одни, ибо другой, заменяющей Россию, силы я не вижу на нашем горизонте) против турецко-азербайджано-грузинского блока, *существование Армении окажется под вопросительным знаком?*

Вот почему Армении надо крепко цепляться за большевиков (конечно до тех пор, пока большевики властвуют в России).

Но ты говоришь, что нынешнее положение может измениться вопреки нашему желанию; большевистская власть может пасть в России, или большевики по той или иной причине, могут оставить Закавказье.

Может случиться и это. И не нам, конечно, увековечить существование большевиков, как бы этого не желали.

Но, повторяю, и в этом случае Дашнакцутюн не может представлять Армению и спасти положение. Нужны будут другие люди, с другим именем, с другой психологией, другим прошлым (или без прошлого).

Удлиняю письмо, но так много хочется сказать.... Пишешь—не так думали мы в Тифлисе, Эривани, Зангезуре и даже в Тавризе.

Да, не так думали. Но разве это причина того, чтобы сегодня также не так думать в Париже и Бухаресте. Оглянись-ка назад и смотри—какой длинный путь мы совершили. Из Тифлиса попали в Эривань. Из Эривани в Зангезур, из Зангезура в Тавриз и из Тавриза.... не знаю куда попали.

Этот длинный путь должен был научить нас чему нибудь, или нет?

Разве легкомыслие или шатание мысли — учиться у прошлого, узнать действительность и действовать уже

сознательно? И разве достоинство или заслуга повторять: раз так думали в Эривани или Зангезуре, то не имеем права думать иначе сегодня?...

Что за неприкосновенная и священная штучка наши «думы», которых нельзя переоценивать, или которые не могут уступить место иным думам.

Но где же то «новое» в моих думах, которое до такой степени вас огорчило, действительно-ли *ново* оно и противоположно *старому*?

Может быть это самообман, слабость ума или несознательное лицемерие; но по истине, что насчет себя и для себя—этого «нового», этого «другого» я не вижу. Я твердо убежден, что и сегодня я думаю—речь идет об основных мыслях—точно также, как думал в 1920 г., 18-м, 14-м г. г. и всю мою жизнь. Те-же думы, которые в течение долгих лет руководили мною, руководят и теперь. У меня нет новых верований, я не сотворил новых идолов, я остаюсь верным моим старым богам. То, что кажется тебе «новым», для меня «старое», продолжение и развитие старого.

Не в свое оправдание я пишу это. Не грешно и не стыдно, если кто-либо добросовестно и искренно, переоценивая свою веру, увидит, что она была безверием,—а его боги—безжизненными идолами.

Если со мной случилось-бы подобное приключение, я вовсе не побоялся бы имени перекрещенного и открыто пошел бы в новый свой храм. Но не храм я сегодня меняю, а священника и пономаря, простых служителей храма и больше ничего.

Что я говорю?

Я говорю: А.Р.П. Дашнакцутюн отныне бессильна и негодна для дела своей жизни—дела армянского политического освобождения; она должна удалиться с арены и уступить место армянам-большевикам, которые одни, при данных условиях, могут продолжать то же дело, и уже делают это.

Думая так, и внося такое предложение—изменяю ли я себе, своему прошлому?

Нет не изменяю. Изменяете вы, ибо любили инструмент больше, чем дело.

Упаси меня бог, думать, что вы делаете это сознательно. Ни права, ни причины никакой у меня нет иметь хотя бы отдаленное подозрение насчет ваших добрых намерений. Но факт остается фактом.

Попытайся одну минуту забыть, что эти слова принадлежат выжившему из ума старику (ведь такими предположениями вопросы не разрешаются, а лишь запутываются) и подумай еще раз... Быть может увидишь, что мои слова не ахти как далеки от истины.

Знаете-ли вы, молодые товарищи,—мне часто кажется, что среди вас только я остался молодым. А вы все преждевременно завяли, старческий склероз окаменил вашу мысль.

Спрашиваешь: «Разве независимая Армения — иллюзия и сумасшествие?»

Нет, не иллюзия это, не сумасшествие, а весьма здоровая, прогрессивная, живая и живительная идея, это созревшее требование, которое достижимо *и уже в очень большой мере воплощено в жизнь.*

Не будем играть словами.

«Независимость»—это не абсолют, ценный только в определенных формах и всеоб'емлющих размерах, а вне этого нуль. Требовать абсолюта это поистине сумасшествие. Армения—не Англия и даже не Швейцария—и не может быть таковой (в будущем, доступном нашему предвидению); ее независимость непременно должна быть обусловлена известными ограничениями. Наше дело идти по этому пути так далеко, как позволяют нам внешние условия и размеры нашей силы; использовать все возможности, вывести на арену все силы, и, во всяком случае, не стать препятствием, если выступает другой, и делает то, чего мы не смогли и не можем делать сами.

Большевики лишили нашу родину независимости и снова связали нас с Россией?...

Так ли это? Связывая нас с Россией, большевики обеспечили *ту степень и форму самостоятельности,* которые только возможны при сегодняшних условиях, и этим спасли будущее.

. . . .

Ты пишешь: «большевики работают не на собирание народа, а на его распыление».

Говоря правду, я не знаю какую они работу ведут на распыление народа, помимо того, что нас, несколько сот дашнакцаканов, выгнали вон из родины; согласись однако, что это еще не распыление народа.

Правда, что большевики не собирают народ.

Ну, а если бы мы остались на их месте — собрали бы?

Теснота в армянской территории и экономическое ее положение не позволяет реэмиграции—вот основное препятствие в деле собирания народа.

Большевики не смогли (скажем, не пожелали) ни расширить границы, ни чувствительно улучшить экономическое положение страны—это верно.

Ну, а мы смогли-бы, несмотря на все наши добрые пожелания?

Большевики, если не расширили границ, то по крайней мере, защитили то, что было. Что же касается экономического положения, то мои, правда скудные, сведения, показывают что сегодняшнее положение, во всяком случае, несколько лучше, чем было в наше время.

Экономическая система большевиков — отсутствие права частной собственности—бесспорно разорительна для сегодняшней Армении, и это, вместе с партийной диктатурой, оборотная сторона медали. Но, ведь, вместо этого, большевики умиротворили страну, освободили рабочие руки для творческой работы...

Большевистская система не может восстановить нашу разоренную страну, обеспечить ее экономическое развитие.

Но это не препятствие к тому, чтобы признать необходимость и полезность Советской власти, покуда существуют другие опасности, другие угрозы, которые более важны, чем преждевременные и безрезультатные опыты по проведению социалистических порядков.

* * *

Уже два раза прерываю письмо и оба раза возобновляю. Замечаю, что повторяюсь, но что делать, если ты сам забываешься и снова возвращаешься к вопросу уже разобранному.

Продолжаю.

«Нужно приветствовать то явление, пишешь ты, что наконец, и в нашей жизни появились серьезные политические группировки, создаются различные течения».

Если помнишь, тоже требование я выставлял, когда А.Р.П. Дашнакцутюн была самодержавным хозяином положения, я стремился убедить партийцев, опьяненных победой, до какой степени опасно это и для страны и для самой партии.

Да, группировки нужны. Но с двумя условиями.

Первое: группировки должны вытекать из требований жизни, соответствовать действительному положению, дополнять ту или иную созревшую и серьезную нужду. Большевистская группировка, или вернее,—равнение фронта по большевизму—это жизненная необходимость. Того же нельзя сказать о нас; Дашнакцутюн (как партия, хорошо пойми меня) пережиток прошлого, лишний орган, в котором организм больше не нуждается. Та потребность, на которую ты указываешь, не действительная потребность, а голое предположение. А политическая партия не должна оправдывать существование в настоящем, для действия предполагаемого: раз будет дело, появится и работник.

Второе: группировка должна иметь место внутри страны, а не вне ее. Внешние силы, в лучшем случае, могут лишь содействовать, но отнюдь не руководить деятельностью в стране. Сам ты противник колониальных партий, однако, не хочешь замечать, что другого будущего Дашнакцутюн не имеет, что она уже колониальна.

Здесь я встречаю очень серьезное препятствие.

Ты справедливо спрашиваешь, какие у меня имеются «об‘ективные данные» настаивать, что Дашнакцутюн уже умерла в стране. Я оторван от страны, не имею вестей о том, что делается там. Ты говоришь, что имеешь сведения, имеешь также... свидетельство американца М.

Твоя позиция гораздо сильнее, чем моя, и она дает тебе право, сказать, что я хочу «болезненные переживания эмигрантов навязать народу»...

Быть может мои мысли действительно «абстрактные силлогизмы», а жизнь диктует совсем другое.

Ищу и хочу найти мою ошибку, но не нахожу.

Знаешь что, я не доверяю твоим сведениям, их серьезности и об‘ективности. А свидетельство М. вовсе не хочу принимать во внимание, как все безответственные слова всех знатных иностранцев, как все их случайные впечатления.

Почему не доверяю?

Потому, что эти сведения противоречат тому, что я знаю и видел, противоречат положению вещей и логике. Я видел нашу партию в Армении, когда мы еще были там; видел на нашем длинном пути—в Персии, в Египте, в Константинополе; вижу здесь на Балканах, бывал на разных собраниях, имел разговоры с отдельным товарищами, слежу за прессой и мои выводы всегда одни и те

же:—партии больше нет. Есть только остатки бывшей партии, которые в силу инерции продолжают носить разные названия и переписываться между собой; но жизни нет, ибо нет дела, нет веры и воодушевления.

И я не удивляюсь, что это так, ибо вижу и понимаю причины.

Чтобы верить в обратное, надо иметь факты, положительные и ощутительные; твои сведения не убедительны для меня, ибо я знаю до чего некомпетентны источники.

Факты действительные, неотрицаемые факты, говорят совсем другое.

Наблюдай, анализируй, какие взаимоотношения созданы между дашнакскими ответственными товарищами, органами, группами, и потом скажи мне: разве может партия жить в этой атмосфере взаимного недоверия, взаимных споров, недоразумений и обвинений.... Не говори, что это только колониальное явление:—нет, в стране было то же самое, с того дня, как мы стали у власти, партийная атмосфера отравилась.

Помни, что два года мы трудились и не могли созвать—по известным тебе причинам—общее собрание, в котором так нуждалась партия. Это бессилие и его причины разве не доказывают, что партии больше нет?

Но самое красноречивое доказательство, знаешь что,—это резолюция принятая на конференции. Только потерявшая всякую почву под ногами партия могла принять такую бессодержательную, противоречивую, ничего не говорящую, ни к чему не обязывающую и вместе с тем всеоб‘емлющую резолюцию. Способная к делу и проектирующая дело партия не вынесет такой резолюции. Эта резолюция показывает, что партия не знает, что ей делать, что ей больше нечего делать, и напрасно пытается под словесными формулами скрыть свою смерть.

В сегодняшней действительности, только одно могло бы спасти Дашнакцутюн: это борьба против большевизма, борьба безудержная, повсеместная, ведущаяся всякими средствами, всеми родами оружия... Но так как Дашнакцутюн не может, да и не должна этого делать, ей остается только одно—умереть.

А сказать: «имея в виду, что.... и далее, принимая во внимание.... но т. к. ..... и потому что ..... поэтому на это .... или и это и то .... » с такой резолюцией партии не живут.

Это тоже «некролог», но лишенный прямоты и смелости.

* * *

Ты пишешь, что конференция не правомочна распустить организацию... конечно, не правомочна. Но, ведь, я имел в виду это серьезное обстоятельство и в своем докладе предложил то, что не выходило из пределов полномочия конференции. Не хочу повторяться. Прочти последние строки доклада, если интересуешься.

Ты пишешь:

«Не отрицаю—может наступить такое время, когда весь мир умиротворится и на время заглохнет и наш вопрос, в таком случае, может быть, придется следовать твоему примеру, а сегодня пока рано».

Знаешь ли, что этими несколькими строками ты уже сложил оружие и капитулировал.

Весь мир еще не умиротворен (и никогда не умиротворится), но (на время) наш вопрос уже заглох и наши дни уже сочтены—вот горькая истина.

— — —

Ты пишешь:

«Я бы хотел, чтоб твой доклад был предан забвению, коль скоро не удалось уничтожить его до оглашения. И считаю лишним и вредным делать этот вопрос предметом дискуссии»...

Почему? Кому нужны эти предосторожности, для кого предназначена эта диэта...

С какого это дня Дашнакцутюн стала бояться мыслей? Почему вы закрываете рот одному товарищу и уши другим.

Если сказанное мною—результаты личных мотивов (ad hominem) или бред больного, или абстрактные силлогизмы, лишенные всяких оснований—разрешите, чтобы товарищи знали это. А если товарищи до того наивны и близоруки, что не заметят мою ошибку—ты, ведь, там, и можешь открыть им глаза, показать истину...

Это было бы не только не «лишним и вредным», но, наоборот, очень нужным и полезным делом.

Можешь ли ты сказать, что только я подвержен «болезненным переживаниям эмиграции» и что кроме меня больных в партии нет. И если я неизлечим, можешь ли, имеешь ли право сказать, что также неизлечимы и

другие больные и полубольные... Какие хорошие мотивы и средства—для излечения зараженных и предохранительные прививки здоровым (для предупреждения эпидемии)?

Ты и твои единомышленники не только не должны были наложить запрет на мой доклад, а сами должны были толкнуть на это каждого дашнака, заставить силой его читать и сказать: посмотрите, до чего докатился один из ваших старших товарищей...

Это потрясло бы партию, вызвало бы протест и возмущение, пробудило бы спящих, призвало бы к работе ленивых и беспечных, внушило бы активность, заставило бы сомкнуть ряды, укрепиться—одним словом—стало бы сильным противоядием против разложения, привело бы в движение все жизненные силы (если таковые еще имеются в партии).

Вы этого не сделали.

Почему?

Потому, что вы трусы, дорогой, трусы.

Вы стараетесь взять под строгую цензуру искание мысли, заткнуть рты, скрыть сказанное слово, ибо не надеетесь на свои силы.

Страхом и подозрением полны ваши сердца.

Если бы ты был уверен, что партия еще жизненна, никогда бы не счел вредным мой доклад, никогда бы не проявил недовольства, если бы он был прочитан на конференции, и не должен был бы желать, чтобы он был предан забвению как можно скорее.

Слушай теперь то, что я говорю.

Я счел своим долгом написать тот доклад—долгом души по отношению к армянскому народу и своей партии. Большой бы грех совершил, не написав его. Счел долгом представить свой доклад верховному органу партии—конференции (ибо не удалось созвать общее собрание) и ждать ее решения. Решение имело место: закрой рот, молчи.

Разрешился ли этим вопрос?

Для меня—нет.

Сейчас я должен выполнить другой свой долг,—это вопреки приказу конференции, поднять свой голос. Должен стараться выполнить этот долг, как и насколько смогу.

* * *

Не считайте упрямством, если я сегодня восстаю против вас.

Слишком тяжело для меня, что вы дали различные толкования моему направлению. Не стыдитесь...

Когда я слушаю кругом разные ad hominem толкования вроде того, почему это один поступил так, другой иначе (а таких разговоров не мало),—возмущаюсь всей душой, страшусь, и не знаю, как жить в атмосфере, где не осталось ни взаимной веры, ни взаимного уважения...

Во всяком случае, дорогой NN, я хочу питать ту «старую веру», что независимо, и даже вопреки всем человеческим слабостям, есть нечто святое—что выше этих слабостей, и что может руководить мыслью и деятельностью человека; и что неправильно и неразумно искать в каждом шаге человека скрытые замаскированные или фальшивые мотивы, задние мысли.

С поцелуями, твой

Ов. Качазнуни.

Бухарест.
17 июня 1923 г.
